ПЕРВЫЕ ШАГИ

ОСВОБОЖДЕНІЯ

ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РОССІИ.

Ѳ. Еленева.

(Перепечатано изъ № 7 Русскаго Архива 1886 года.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1886.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

ОСВОБОЖДЕНІЯ

ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РОССІИ.

Е. Еленева.

(Перепечатано изъ № 7 Русскаго Архива 1886 года.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., 39.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Сентября 1886 г.

2007051362

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ РУССКАГО АРХИВА.

Для освобожденія крестьянъ въ Россіи наступаетъ уже исторія, въ томъ смыслѣ, что теперь можно писать объ этомъ событіи съ значительною свободой и касаться тѣхъ его сторонъ, о которыхъ прежде, по многимъ причинамъ, приходилось умалчивать. Въ прошедшемъ году въ «Русскомъ Архивѣ» была напечатана автобіографическая записка члена Государственнаго Совѣта Левшина, касающаяся начальнаго періода крестьянскаго вопроса. Хотя записка эта составлена еще въ 1860 г., но опубликованіе ея было бы невозможно еще въ недавнее время. Левшинъ принималъ ближайшее и весьма полезное участіе въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ правительства по крестьянскому дѣлу; тѣмъ не менѣе записка его выдѣляется изъ числа другихъ матеріаловъ по крестьянскому вопросу своимъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ поддѣлокъ для выставленія авторской личности. Тѣмъ же достоинствами отличается и печатаемая здѣсь памятная записка о первыхъ шагахъ крестьянскаго вопроса. Она также принадлежитъ перу одного изъ первыхъ по времени тружениковъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, тайнаго совѣтника Ѳедора Павловича Елепева, который, по особому Высочайшему повелѣнію, со-

стоялъ при ген.-адъютантѣ Ростовцовѣ для работъ по крестьянскому дѣлу и былъ безотлучнымъ и ближайшимъ его помощникомъ съ 1857 года, когда еще не возникало и мысли объ учрежденіи Редакціонныхъ Коммисій. Изъ небольшаго числа лицъ, трудившихся въ крестьянскомъ дѣлѣ въ этотъ первый его періодъ, теперь осталось въ живыхъ едва нѣсколько единицъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для исторіи должны быть ихъ свидѣтельства, если только они имѣютъ въ виду историческую истину, а не удовлетвореніе личнаго самолюбія ихъ авторовъ.

Петръ Бартеневъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ
ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ
ВЪ РОССІИ.

«Я долго не могъ понять, какъ люди государственные приступаютъ къ такому великому и страшному дѣлу съ такою легкостью». (Записки А. И. Левшина. Р. Архивъ, 1885, VIII. 528).

I.

Люди, имѣвшіе возможность наблюдать вблизи первые шаги освобожденія крестьянъ въ Россіи, вынесли объ этомъ времени такое воспоминаніе, что ни одна изъ реформъ Императора Александра Втораго не была начата такъ внезапно, съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ для ея осуществленія, при столь неясномъ сознаніи главнѣйшихъ ея основаній и при такомъ коренномъ разномысліи ближайшихъ исполнителей царской воли, какъ именно реформа 19-го Февраля 1861 года. И при всемъ томъ Великій Русскій Богъ помогъ Императору Александру Второму, для осуществленія этого обширнѣйшаго государственнаго преобразованія, провести законъ въ главныхъ своихъ чертахъ весьма удовлетворительный; а дворянство и крестьян-

ство наши, одно своею непритязательностью и сговорчивостью, другое своимъ здравомысліемъ и вѣрою въ царское слово, много содѣйствовали тому, что новый законъ приведенъ былъ въ исполненіе спокойно и довольно правомѣрно. Если въ послѣдствіи обнаружились въ сельскомъ мірѣ большія неустройства, отразившіяся прежде всего на матеріальномъ бытѣ крестьянъ, то виною тому было не Положеніе о крестьянахъ, въ его основныхъ чертахъ, и даже не крестьянское сословіе въ массѣ, а недѣятельность или ошибочное направленіе послѣдующаго законодательства. Оно упустило изъ виду, что ему необходимо было шагъ за шагомъ слѣдить за укладомъ жизни вновь созданнаго свободнаго крестьянскаго сословія и, при всякомъ уклоненіи ея въ сторону, немедленно направлять ее на надлежащій путь. Если при составленіи Положенія о крестьянахъ, въ слѣдствіе спѣшности работы и понятнаго въ то время увлеченія составителей идеей широкаго крестьянскаго самоуправленія, были слабо очерчены административная и юридическая части Положенія, то потомъ явилось для правительства немало напоминаній о той истинѣ, что крестьяне на первыхъ порахъ своей свободной жизни ни въ чемъ такъ не нуждались, какъ въ сильной и сосредоточенной власти вблизи самыхъ мѣстъ ихъ жительства. Вмѣсто того у насъ было создано невиданное дотолѣ

многовластіе, на дѣлѣ приведшее къ безвластію, которое отразилось вредными послѣдствіями какъ на помѣщикахъ, такъ еще болѣе на самихъ крестьянахъ. Самую слабую сторону Положенія—финансовую, то-есть постановленія о выкупѣ, также можно бы было исправить уже по объявленіи свободы; между тѣмъ не только не было этого сдѣлано, но дальнѣйшая наша финансовая политика, состоявшая въ разрушеніи прежнихъ кредитныхъ установленій и въ непрерывномъ выпускѣ новыхъ процентныхъ бумагъ, привела къ тому, что вся громадная операція выкупа послужила только для обогащенія русскихъ и иноземныхъ биржевыхъ спекулянтовъ. Крестьяне оказались обремененными непосильнымъ для нихъ шестипроцентнымъ выкупнымъ платежемъ; помѣщики принуждены были продавать выкупныя бумаги за безцѣнокъ, въ явное для себя разореніе; а государственная казна понесла огромные убытки отъ недобора выкупныхъ платежей.

Въ нашей печати не одинъ разъ затрогивался вопросъ: откуда явилась у Императора Александра Втораго мысль освободить крестьянъ? Ходилъ между прочимъ расказъ, что Императоръ Николай на смертномъ одрѣ завѣщалъ это дѣло своему сыну и преемнику; а нѣкоторые прибавляли, что онъ взялъ даже съ Наслѣдника клятву въ томъ, что тотъ исполнитъ его волю. Стоитъ только вспомнить, при

какихъ тревожныхъ обстоятельствахъ умиралъ Императоръ Николай, чтобы понять, что въ эти минуты въ его умѣ не могло быть мѣста ни для какихъ другихъ заботъ государственнаго правленія, кромѣ помысловъ о тяжкой и неудачной для насъ борьбѣ, кипѣвшей на южныхъ предѣлахъ государства. Поэтому расказъ этотъ должно причислить къ тѣмъ благочестивымъ легендамъ, которыми народное воображеніе любитъ окружать достопамятныя событія въ народной жизни. Являлись въ нашихъ журналахъ и такія статьи, въ которыхъ авторы не задумывались приписывать самимъ себѣ, либо своимъ патронамъ и полубогамъ возбужденіе въ Императорѣ Александрѣ мысли освободить крестьянъ. Такъ одинъ довольно извѣстный писатель-чиновникъ повѣствовалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, желая представить въ своемъ первомъ годовомъ отчетѣ Государю не сухой перечень распоряженій и донесеній по министерству, какъ это дѣлалось дотолѣ, а яркую картину положенія народа, воспользовался талантами этого чиновника и его знаніемъ Россіи и поручилъ ему составленіе упоминаемаго отчета: вотъ изъ этой-то бумаги Императоръ Александръ и узналъ о плачевномъ положеніи русскихъ крестьянъ и принялъ рѣшеніе освободить ихъ! Среди восторженныхъ похвалъ Тургеневу, вызванныхъ его кончиною и публичнымъ чествованіемъ его останковъ,

хвалители не удовольствовались провозглашеніемъ его «великимъ учителемъ», «духовнымъ вождемъ русскаго народа» и проч., но объявили, что мысль объ освобожденіи крестьянъ зародилась въ умѣ Императора Александра ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ чтенія «Записокъ Охотника». Впрочемъ поклонники Тургенева только повторяли въ этомъ случаѣ его собственныя слова: какъ извѣстно, въ разговорахъ съ своими близкими онъ постоянно приписывалъ себѣ славу внушителя идеи объ освобожденіи крестьянъ Императору Александру Второму.

Конечно, люди, сколько-нибудь знакомые съ фактами, прочли всѣ подобныя повѣствованія съ горькой усмѣшкой. Но много ли у насъ людей знакомыхъ съ фактами? Эти и подобные имъ расказы, идущіе отъ лицъ, которыя выдаютъ себя за свидѣтелей и даже участниковъ описываемыхъ событій, развѣ не могутъ сбить съ толку будущаго историка, которому придется описывать эту эпоху тогда, когда не останется уже въ живыхъ ни одного изъ ея очевидцевъ? Вообще, несмотря на массу печатаемыхъ у насъ расказовъ о нашемъ времени, исторія Россіи немного получитъ о немъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, ибо въ нашемъ пишущемъ и оторствующемъ классѣ мало уваженія къ истинѣ и очень много самолюбія. О чемъ бы теперь у насъ ни писали, паичаще имѣютъ въ виду не истину, цѣло-

мудреную и невелерѣчивую, и не избранный кругъ читателей, способныхъ узнавать и цѣнить истину, а имѣютъ въ виду толпу, для которой нужны подмостки, лицедѣйство и театральное освѣщеніе. Вкусамъ же толпы угождаютъ потому, что она, чрезъ своихъ присяжныхъ глашатаевъ, раздаетъ теперь дипломы на извѣстность и вѣнки безсмертія. Но ни одна изъ реформъ Императора Александра не дала повода къ столькимъ баснямъ, какъ крестьянское дѣло, несмотря на то, что оно въ послѣдствіи велось открыто и гласно. Кто только ни приписывалъ себѣ или своимъ друзьямъ, и въ печати, и въ застольныхъ рѣчахъ, и въ частныхъ разговорахъ, болѣе или менѣе значительнаго вліянія и даже руководящей роли въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ! Менѣе всего отводилось въ нихъ мѣста почившему въ Бозѣ Императору, о которомъ если и упоминалось вскользь, то только для соблюденія требованій политическаго приличія. А между тѣмъ, безъ Императора Александра, всѣ эти вольные и невольные освободители спокойно сидѣли бы по своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ, при дуновеніи вѣтра въ противную сторону, съ неменьшимъ усердіемъ готовы бы были, ради служебной карьеры и вещественныхъ выгодъ, приняться за составленіе проектовъ еще большаго закрѣпощенія русскаго крестьянства. Въ такомъ именно смыслѣ дѣйствовали, почти нака-

пунѣ возбужденія крестьянскаго вопроса, правительственные чиновники въ Вильнѣ, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ (до назначенія Назимова), содѣйствуя польскимъ помѣщикамъ Сѣверо-западнаго края, посредствомъ инвентарей, не только не улучшать, но еще болѣе ухудшать положеніе литовско-бѣлорусскихъ крестьянъ.

Люди, допытывающіеся, откуда могла придти Императору Александру мысль объ освобожденіи крестьянъ, забываютъ два обстоятельства: первое — что покойный Государь прежде всего былъ человѣкъ *просвѣщенный*, понимавшій всю чудовищность того факта, что въ XIX-мъ вѣкѣ, въ государствѣ европейскомъ и христіанскомъ, большинство населенія состояло изъ рабовъ, неимѣвшихъ никакихъ гражданскихъ правъ. (Этотъ печальный фактъ подкрался въ нашу исторію почти помимо людей, сцѣпленіемъ роковыхъ обстоятельствъ: тѣмъ законнѣе и необходимѣе было его уничтоженіе). Во вторыхъ, люди, допытывающіеся, откуда у покойнаго Императора явилась мысль объ освобожденіи крестьянъ, забываютъ, что онъ, еще будучи Наслѣдникомъ престола, былъ посвящаемъ своимъ отцомъ во всѣ дѣла высшаго государственнаго управленія, и спеціально— въ дѣла, касавшіяся крестьянъ. При Императорѣ Николаѣ шесть разъ были учреждаемы комитеты изъ высшихъ правительственныхъ лицъ для изы-

сканія мѣръ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, и въ двухъ послѣднихъ по времени комитетахъ предсѣдательствовалъ наслѣдникъ престола. Несмотря на то, что улучшеніе положенія помѣщичьихъ крестьянъ было всегдашней заботой Императора Николая съ самаго начала его царствованія, несмотря на его умъ и силу характера, собираемые имъ комитеты не приходили ни къ чему и не принесли никакихъ существенныхъ улучшеній въ положеніи крестьянъ. Цари могутъ указывать своимъ вельможамъ цѣли, которыхъ они желали бы достигнуть; но не въ ихъ возможности изыскивать пути для достиженія этихъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, достаточно уже ознакомился съ положеніемъ крестьянъ, какъ изъ матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи сказанныхъ комитетовъ, такъ и изъ текущихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ донесеній, напр. въ запискѣ витебскаго, могилевскаго и смоленскаго генералъ-губернатора Игнатьева, представленной императору Николаю въ 1853 году, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ описывалось въ самомъ страшномъ видѣ. «Въ Витебской губерніи, сказано въ запискѣ Игнатьева, крестьяне почти не знаютъ хлѣба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождаю-

щими болѣзни; нищета страшная, а рядомъ роскошь помѣщиковъ. Жизненныя силы края совершенно истощились въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи; разслабленіе достигло крайнихъ предѣловъ». На этой запискѣ Императоромъ Николаемъ написана была такая резолюція: «Въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы всѣ гг. министры прочли и убѣдились, въ какомъ страшномъ положеніи сіи губерніи (Витебская и Могилевская) находятся, и что однѣми законными мѣрами край сей не только никогда не поднимется, но окончательно пропадетъ. Нужны экстренныя и крутыя мѣры, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ обсудитъ и представитъ на разсмотрѣніе Комитета, не стѣсняясь законными формами».

Такимъ образомъ Императоръ Александръ, еще до вступленія своего на престолъ, былъ вполнѣ посвященъ въ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ и не могъ не сознавать необходимости ихъ освобожденія. Но отъ сознанія необходимости какой-нибудь мѣры до рѣшимости ее исполнить лежитъ весьма большое разстояніе, которое въ особенности трудно перешагнуть государямъ: государи должны принимать въ соображеніе много другихъ обстоятельствъ, нисколько необязательныхъ для подданныхъ; притомъ они не имѣютъ физической возможности совершить обширное государственное дѣло одной своей головой

и своими руками. Отсюда происходятъ колебанія и противорѣчія въ ихъ дѣйствіяхъ, нерѣдко даже отступленія назадъ отъ прежде намѣченной цѣли. Для Императора Александра колебанія эти начались еще въ бытность его Наслѣдникомъ. Извѣстно, что въ царствованіе Николая было принята и доведена до конца одна только мѣра относительно крестьянъ, дѣйствительно улучшившая ихъ положеніе, хотя только въ одной сравнительно-незначительной мѣстности государства: мѣрою этой были начертаніе и введеніе въ 1848 году обязательныхъ для помѣщиковъ инвентарныхъ правилъ въ трехъ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства. Введеніе этихъ правилъ, опредѣлявшихъ величину крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, имѣло для Юго-западнаго края огромное значеніе, не только экономическое, но и политическое. Въ короткое время матеріальное положеніе тамошнихъ крестьянъ улучшилось до неузнаваемости; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ возродилось довѣріе къ силѣ и заботливости о нихъ верховнаго правительства, потерянное ими въ слѣдствіе порядковъ, царствовавшихъ въ западныхъ губерніяхъ со смерти Екатерины II-й. Эти чувства громко сказались во время шляхетско-ксендзовскаго мятежа 1863 года: какъ извѣстно, онъ въ Юго-западныхъ губерніяхъ былъ подавленъ самими крестьянами, прежде вмѣшательства мѣстныхъ властей. Упо-

минаемая мѣра, которою Юго-западный край единственно былъ обязанъ уму и настойчивости своего тогдашняго генералъ-губернатора Дмитрія Бибикова, недостаточно оцѣнена у насъ, какъ и многое другое, что оцѣнивать по достоинству не представляло выгоды ни со стороны служебной карьеры, ни ради угожденія вкусамъ толпы *). Между тѣмъ, по своимъ политическимъ послѣдствіямъ, инвентари 1848 года можно отчасти сравнить съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году. Этою послѣднею мѣрой Сѣверо-западный край также былъ обязанъ уму и энергіи одного человѣка, незабвеннаго митрополита Іосифа Сѣмашки. Императоръ Николай умѣлъ цѣнить такихъ дѣятелей, если ему удавалось находить ихъ между высшими лицами, и поддерживалъ ихъ дѣйствія всею силой своей власти и могущества. Сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ захотѣлъ тѣ же инвентарныя правила примѣнить и къ шести губерніямъ Сѣверо-западнаго края. Но время было выбрано неблагопріятное: надъ Россіей собиралась буря европейской коалиціи. Польскіе помѣщики Сѣверо-западныхъ губерній прислали въ Петербургъ депутацію хода-

*) См. въ Р. Архивѣ 1884, кн. III-я, стр. 7, всеподданнѣйшій отчетъ о томъ Д. Г. Бибикова, съ нашимъ послѣсловіемъ. П. Бартеневъ.

тайствовать объ избавленіи ихъ отъ инвентарей Бибикова. Чтобъ не ссориться съ польскимъ дворянствомъ въ такое неудобное время, депутація была принята Наслѣдникомъ подъ свое покровительство, конечно съ вѣдома и разрѣшенія Императора Николая, который любилъ предоставлять своему Наслѣднику роль заступника. Бибиковскіе инвентари для Сѣверо-западныхъ губерній были уничтожены и замѣнены другими, которые составлены самими польскими помѣщиками, подъ мнимымъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Эти инвентари, на половину недоконченные, не только ни на волосъ не улучшили положенія литовско-бѣлорусскихъ крестьянъ, но, по донесеніямъ мѣстныхъ губернаторовъ, еще увеличили ихъ повинности. Такимъ образомъ будущему освободителю русскихъ крестьянъ пришлось, такъ сказать, наканунѣ восшествія своего на престолъ, уступая силѣ обстоятельствъ, оказать поддержку крѣпостному праву именно въ томъ краѣ имперіи, гдѣ оно являлось въ самомъ безпощадномъ видѣ.

II.

Со вступленія Императора Александра на престолъ начинается для него рядъ колебаній и сомнѣній въ крестьянскомъ вопросѣ, которыя обнаруживались то неожиданными скачками впередъ, то столь же неожиданными отступленіями назадъ. Теперь, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ той эпохи, всѣ эти колебанія и противорѣчія становятся понятны и объяснимы. Государь вступилъ на престолъ съ положительнымъ убѣжденіемъ въ необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Это убѣжденіе разума отвѣчало и человѣколюбивому сердцу Императора, и наклонности его къ нововведеніямъ. Но кромѣ убѣжденія въ необходимости реформы и желанія ее исполнить, столь же важно было знать—на какихъ основаніяхъ можно было ее исполнить. Вотъ этихъ-то основаній никто изъ окружавшихъ Государя лицъ не зналъ. Кромѣ того существовало тогда весьма распространенное опасеніе, раздѣлявшееся и многими изъ числа убѣжденныхъ въ необходимости реформы, что объявленіе свободы

и даже одни слухи о ней поднимутъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и произведутъ общій переполохъ въ государствѣ. Опасеніе это хорошо было извѣстно Императору. Наконецъ высказывалось и другое предположеніе, столь же казавшееся вѣроятнымъ, именно, что дворянство, когда отъ него будетъ отнято право владѣнія крѣпостными, потребуетъ себѣ, въ видѣ вознагражденія, политическихъ правъ. Вотъ въ этихъ трехъ причинахъ: въ неизвѣстности основаній, на которыхъ можно бы было осуществить освобожденіе крестьянъ, въ опасеніи крестьянскихъ бунтовъ и въ предполагаемомъ требованіи дворянами политическихъ правъ, надобно, какъ кажется, искать объясненія всѣхъ колебаній и недоумѣній Императора. Нѣкоторая, прирожденная ему нерѣшительность характера имѣла здѣсь только второстепенное значеніе: ибо въ послѣдствіи, при концѣ реформы, Государь обнаружилъ большую твердость. Императоръ справедливо сознавалъ себя первымъ и главнымъ отвѣтчикомъ за все, что можетъ случиться, отвѣтчикомъ и предъ государствомъ, и предъ собственнымъ своимъ семействомъ. Онъ отлично зналъ, что, при нѣкоторой съ его стороны настойчивости, умолкнутъ всѣ противорѣчія его царедворцевъ, и они станутъ дѣйствовать по указанному имъ направленію. Но, изъ понятной осторожности, онъ самъ желалъ выслушивать въ этомъ дѣлѣ обѣ про-

тивныя стороны, то-есть какъ партизановъ, такъ и противниковъ освобожденія, и долго, цѣлые три года (до учрежденія Редакціонныхъ Коммисій) плылъ между двухъ противоположныхъ теченій. Величайшій, рѣдкій въ исторіи трагизмъ представляло положеніе незабвеннаго Монарха въ крестьянскомъ вопросѣ, до самаго того времени, когда это дѣло, съ помощью Божіею, постепенно улеглось въ уставныхъ грамотахъ. Это былъ кормчій, рѣшившійся вывести свой корабль въ открытое море изъ опасной, наполненной подводными камнями стоянки, но кормчій, не имѣвшій путеводной карты, не знавшій фарватера и не могшій положиться на показанія людей своей команды, потому что показанія эти одно другому противорѣчили. А между тѣмъ кормчій зналъ, что, въ случаѣ крушенія, люди его команды спасутся на обломкахъ корабля, кто куда сможетъ; а онъ одинъ, по законамъ мореходства, долженъ будетъ остаться на своемъ мѣстѣ и раздѣлить участь корабля. Въ этой неизвѣстности, одна лишь небесная звѣзда, мерцавшая среди набѣгавшихъ облаковъ, указывала кормчему настоящій путь. И устремивъ взоръ на путеводное свѣтило, со страхомъ и надеждою въ сердцѣ, онъ медленно пробирался со своимъ кораблемъ между мелей и подводныхъ камней, пока вывелъ его въ открытое море.

Большой интересъ для будущаго историка долж-

ны представлять эти первые, неувѣренные шаги Императора въ задуманномъ имъ великомъ дѣлѣ, эти минуты то колебаній, то поступаній впередъ, имѣвшія для нашего отечества такія огромныя послѣдствія. Постараемся отмѣтить здѣсь тѣ изъ этихъ моментовъ, которые сохранились въ памяти и повѣствованіяхъ людей, стоявшихъ близко къ тогдашнимъ событіямъ.

Въ Августѣ 1855 года, когда геройскій севастопольскій гарнизонъ дѣлалъ послѣднія усилія, чтобъ отстоять нашъ оплотъ на Черномъ морѣ, уже обращенный въ развалины, вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, въ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, между прочимъ помѣстилъ такое выраженіе: «Всемилостивѣйшій Государь нашъ повелѣлъ мнѣ непарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству». Циркуляръ этотъ былъ предварительно одобренъ самимъ Государемъ, а приведенныя слова относились къ крѣпостному праву и именно въ такомъ смыслѣ были поняты помѣщиками. Послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ замѣна коронныхъ исправниковъ (учрежденныхъ Бибиковымъ) выборными отъ дворянства, какъ было изстари, еще болѣе укрѣпила въ дворянствѣ увѣренность въ ненарушимости его правъ.

Въ концѣ Марта или въ самыхъ первыхъ чис-

лахъ Апрѣля 1856 года, то-есть тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, Государь поѣхалъ въ Москву. Тамошній генералъ-губернаторъ графъ Закревскій доложилъ государю, будто въ народѣ и между дворянами ходятъ тревожные слухи о готовящемся освобожденіи крестьянъ, и просилъ его принять дворянскихъ предводителей и успокоить дворянство. Уступая просьбѣ Закревскаго, Государь принялъ предводителей Московской губерніи и сказалъ имъ слѣдующія слова: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобожденіе крѣпостнаго состоянія. *Это несправедливо*, а отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво. Я говорилъ то же самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ *). *Я не скажу вамъ, чтобъ я былъ совершенно противъ этого.* Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что со временемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною: *слѣдовательно гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу*» (текстъ рѣчи взятъ изъ Записки Левшина, «Р. Архивъ» 1885). Рѣчь эта была совершенною неожиданостью какъ для дворянства, такъ и для высшихъ правительственныхъ лицъ; притомъ она заключала въ себѣ противорѣчія, повергшія дворянство въ не-

*) Кажется, новгородскому и орловскому.

доумѣніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской прямо выразился своему товарищу Левшину, «что весьма сожалѣетъ, что рѣчь эта была сказана». Когда потомъ Ланской спросилъ Государя, точно ли онъ говорилъ то, что записано и ходитъ по рукамъ, то Государь, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, отвѣчалъ ему: «Да, говорилъ точно то, и не сожалѣю о томъ». Нетерпѣніе или неудовольствіе въ отвѣтѣ могло происходить отъ того, что вопросъ Ланскаго былъ уже не первымъ и Государю надоѣло отвѣчать. Вся эта исторія съ московскою рѣчью довольно правдоподобно можетъ быть объяснена слѣдующимъ предположеніемъ. Закревскому (находившемуся въ дружбѣ съ княземъ Орловымъ) дано знать изъ Петербурга отъ кого-нибудь, близко знакомаго съ образомъ мыслей Государя, объ его наклонности къ освобожденію крестьянъ и о необходимости связать его волю, вынудивъ у него публичное заявленіе въ противоположномъ смыслѣ. Отсюда докладъ Закревскаго о тревожныхъ слухахъ, будто бы ходящихъ въ народѣ и угрожающихъ спокойствію государства. (Поведеніе крестьянъ въ продолженіе всего крестьянскаго дѣла доказываетъ, что тревога эта была вымышленная). Государь, поставленный подъ дѣйствіе двухъ противоположныхъ силъ: собственнаго стремленія къ освобожденію и устрашенія противной стороны опасностью крестьянскихъ

бунтовъ, принялъ въ эту минуту (какъ и большая часть людей въ подобныхъ обстоятельствахъ) двойственное направленіе, уклонявшееся и въ ту, и въ другую сторону и отразившееся въ его словахъ къ московскому дворянству двумя противорѣчивыми заявленіями. Московское дворянство, конечно, не могло распутать этого противорѣчія и не поняло намѣка, сдѣланнаго ему Государемъ. Притомъ, вѣроятно, недоумѣніе московскаго дворянства было представлено Государю въ болѣе рѣзкомъ видѣ, чѣмъ каково оно было на самомъ дѣлѣ: отсюда неудовольствіе его на московское дворянство, какъ несочувствующее его видамъ. Это неудовольствіе, высказанное Государемъ нѣкоторымъ близкимъ къ нему лицамъ въ слѣдъ за описаннымъ случаемъ, сохранялось у него довольно долго и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, было выражено имъ самому московскому дворянству при первомъ представившемся случаѣ.

Изъ Москвы Государь поѣхалъ въ Варшаву и на пути останавливался на нѣсколько дней въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ постоянно видѣлся съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, принадлежавшимъ къ числу самыхъ близкихъ къ нему лицъ *). Есть одно свидѣтельство (хотя и чрезвычайно пре-

*) Съ 1835 по 1842 годъ Назимовъ состоялъ при Государѣ, тогда еще Наслѣдникѣ престола, инструкторомъ по военной части.

увеличивающее роль Назимова въ этомъ дѣлѣ), что Государь поручилъ ему пропагандировать среди дворянъ трехъ Сѣверо-западныхъ губерній мысль о неизбѣжности освобожденія крестьянъ *). Испытавъ неудачу въ Москвѣ, въ слѣдствіе непрямаго образа дѣйствій Закревскаго, Государь остановился мыслію на польскомъ дворянствѣ Сѣверо-западныхъ губерній, справедливо полагая, что для этого дворянства, по его сосѣдству съ Пруссіей и Остзейскимъ краемъ, освобожденіе крестьянъ не должно показаться такъ страшно, какъ для помѣщиковъ внутреннихъ губерній. Государь могъ также расчитывать на популярность своего имени между тамошнимъ дворянствомъ, въ слѣдствіе поддержки, которую онъ оказалъ ему въ инвентарномъ вопросѣ. Весьма возможно, что мысль попытать расположить польское дворянство въ пользу крестьянскаго дѣла была подсказана Государю самимъ Назимовымъ. Во всякомъ случаѣ, со стороны Назимова мысль эта должна была встрѣтить горячую поддержку, такъ какъ она представляла ему возможность угодить Государю; собственнаго же состоянія Назимовъ не имѣлъ. Однако на этотъ разъ результатъ стараній Назимова былъ незначителенъ: онъ успѣлъ только получить неопре-

*) См. статью „Вл. Ив. Назимовъ", Русская Старина, Мартъ 1885 г., стр. 575.

дѣленное увѣреніе отъ пяти лицъ изъ аристократическихъ польскихъ фамилій, что они будутъ содѣйствовать подготовленію мѣстнаго дворянства къ мысли о неизбѣжности реформы.

Въ это время изъ верховныхъ правительственныхъ лицъ не было рѣшительно никого, кто, по своимъ познаніямъ и опытности, былъ бы подготовленъ къ руководительству крестьянскимъ дѣломъ или хотя бы могъ давать полезные совѣты Государю. Изъ лицъ второстепенныхъ болѣе другихъ владѣлъ опытностью и свѣдѣніями товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, перу котораго и принадлежали въ первое время всѣ доклады Ланскаго Государю по крестьянскому дѣлу и распоряженія его по губерніямъ. Левшинъ держался двухъ основныхъ мыслей: постепенности въ упраздненіи крѣпостнаго права, которое, по его убѣжденію, должно было отмѣняться въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ Западныхъ губерній и понемногу подвигаясь на востокъ; во вторыхъ, онъ держался начала добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами относительно повинностей и выкупа, на манеръ остзейскій.

Сначала все дѣло велось въ величайшемъ секретѣ, изъ опасенія возбудить въ крестьянахъ преждевременныя и преувеличенныя надежды. Въ апрѣлѣ того же 1856 года Государемъ былъ утвержденъ докладъ Ланскаго о необходимости, прежде всякихъ

другихъ дѣйствій, собрать относящіеся къ крестьянскому вопросу матеріалы и начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства. Во время съѣзда губернаторовъ и дворянскихъ предводителей въ Москву по случаю коронаціи, въ августѣ 1856 года, Ланской и Левшинъ предварялн ихъ, въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, о намѣреніяхъ правительства и старались вывѣдать ихъ взгляды на этотъ предметъ. Большая часть предводителей выражала удивленіе, а иногда и непритворный страхъ при этихъ намѣкахъ на реформу, къ которой наше дворянство вовсе не было подготовлено предшествующею дѣятельностью законодательства. Только предводители трехъ Сѣверо-западныхъ губерній: Ковенской, Гродненской и Виленской, предупрежденные уже Назимовымъ о намѣреніяхъ правительства, безъ страха произносили слово «освобожденіе» и давали понять, что польское дворянство этихъ губерній не прочь будетъ приступить къ такой реформѣ. Изъ примѣра сосѣдняго Остзейскаго края они хорошо знали, что личное освобожденіе крестьянъ не только не страшно, но даже выгодно для помѣщиковъ; а установленіе поземельныхъ отношеній съ крестьянами они надѣялись взять въ свои руки и основать ихъ на началѣ добровольныхъ соглашеній. Притомъ они желали, цѣною личнаго освобожденія, навсегда отстранить отъ себя опасность введенія такихъ инвентарей, ка-

кіе были введены Бибиковымъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ и едва не упали на головы и литовско-бѣлорусскимъ помѣщикамъ *). Ланской съ Левшинымъ ухватились за этотъ случай, дававшій возможность выдвинуть впередъ «собственное желаніе дворянъ» отказаться отъ крѣпостнаго права, и, съ разрѣшенія Государя, тогда же было условлено съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, что онъ долженъ, по возвращеніи въ Вильну, съ приличною обстановкой и прелюдіями, заполучить отъ мѣстныхъ предводителей заявленія, что, вмѣсто инвентарей, дворянство желало бы приступить къ полному освобожденію крестьянъ. Письменное изложеніе Высочайшей воли въ этомъ смыслѣ послано было Назимову уже изъ Петербурга, 3-го ноября 1856 года. Послѣ московской рѣчи Государя, это былъ второй поступательный шагъ въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Затѣмъ достойна упоминанія представленная Го-

---

*) Въ послѣдствіи, когда польскіе помѣщики увидѣли, что дѣло стало принимать неожиданный для нихъ оборотъ, они пошли на попятный дворъ и прислали въ Петербургъ депутатовъ съ заявленіемъ, что они вовсе не имѣли въ виду надѣленія крестьянъ землею. Однако Ланской отвѣчалъ депутатамъ, что дворянству предоставлена была свобода высказать чрезъ губернскіе и центральный комитеты свои предположенія, но затѣмъ окончательное рѣшеніе вопроса есть уже дѣло высшаго правительства.

сударю записка отъ великой княгини Елены Павловны, вызывавшейся дать свободу принадлежавшимъ ей въ Полтавской губерніи крестьянамъ, на началахъ, которыя будутъ ей указаны верховной властью. Въ отвѣтѣ великой княгинѣ, отъ 26-го октября 1856 года (который редактированъ Левшинымъ) Государь, выражая, что теперь нельзя еще съ положительностью указать основаній для увольненія крестьянъ, заявлялъ свое ожиданіе, что благомыслящіе помѣщики сами выскажутъ, въ какой степени полагаютъ они возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ Государь выражалъ не только согласіе, но и желаніе, чтобъ избранные великой княгиней помѣщики Полтавской губерніи собрались негласнымъ образомъ для обсужденія и составленія правилъ, на основаніи которыхъ они желали бы дать свободу своимъ крестьянамъ.

Далѣе имѣютъ нѣкоторое значеніе всеподданнѣйшіе доклады Ланскаго отъ 20-го и 30-го Декабря 1856 года. Въ первомъ изъ нихъ, сопровождавшемся составленною Левшинымъ исторической запискою о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, въ первый разъ высказана была мысль о необходимости учредить верховный комитетъ, подобный тѣмъ, какіе существовали при Императорѣ Николаѣ; относительно же самаго направленія крестьянскаго дѣла выражена

мысль, что освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ невозможно совершить одновременно и по однимъ правиламъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи, по чрезвычайному разнообразію хозяйственныхъ, географическихъ и даже политическихъ условій. Эта мысль о географической постепенности упраздненія крѣпостнаго права, начиная съ Западныхъ губерній и подвигаясь на востокъ, была слѣдствіемъ боязни, что, при одновременномъ объявленіи свободы всѣмъ крестьянамъ, волненія между ними могутъ принять опасные для государства размѣры. Въ докладной запискѣ отъ 30-го Декабря сказано, что крестьянамъ съ личною свободой должно предоставить усадьбы, за денежное вознагражденіе съ ихъ стороны въ пользу помѣщиковъ; пріобрѣтеніе же крестьянами пахатныхъ земель слѣдуетъ предоставить времени и взаимнымъ соглашеніямъ помѣщиковъ съ крестьянами, по примѣру Остзейскихъ губерній. Вотъ начало тѣхъ положеній, которыя потомъ, почти черезъ годъ, были выражены въ Высочайшихъ рескриптахъ генералъ-губернаторамъ виленскому и петербургскому. Въ послѣдствіи, въ Іюнѣ 1857 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ представленіи Секретному Комитету по крестьянскому дѣлу, добавилъ, что со временемъ можно будетъ помышлять о томъ, чтобы доставить крестьянамъ возможность выкупить ту землю, которая при освобожденіи бу-

деть оставлена за ними только въ условномъ пользованіи.

3 го Января 1857 года учреждается Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, а въ случаѣ его отсутствія—подъ предсѣдательствомъ князя Орлова, бывшаго въ то же время и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Членами Комитета, кромѣ князя Орлова, были назначены: главноуправляющій II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Блудовъ, министръ двора графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, членъ Государственнаго Совѣта князь П. П. Гагаринъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ, министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ, министръ финансовъ Брокъ, замѣненный въ послѣдствіи новымъ министромъ финансовъ Княжевичемъ, главноуправляющій путями сообщеній Чевкинъ, начальникъ главнаго штаба Его Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ и членъ Государственнаго Совѣта Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ и наконецъ членъ Государственнаго Совѣта баронъ М. А. Корфъ. Дѣлопроизводство Комитета поручено завѣдыванію государственнаго секретаря Буткова.

Надобно обратить вниманіе на составъ этого верховнаго учрежденія, которому ввѣрялась судьба важ-

нѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо возбуждавшихся у насъ государственныхъ вопросовъ. Изъ числа одиннадцати членовъ, пять самыхъ вліятельныхъ по своему положенію или по своей правительственной опытности (князь Орловъ, графъ Адлербергъ, князь Гагаринъ, князь Долгоруковъ и Муравьевъ) были рѣшительными противниками освобожденія крестьянъ. Четыре члена добросовѣстно присоединились къ мысли Государя и готовы были по мѣрѣ силъ служить ея выполненію: но изъ нихъ графъ Блудовъ, по своимъ лѣтамъ, а быть можетъ и по своему характеру, не представлялъ значительной поддержки для дѣла; Ланской, несмотря на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, также далеко не былъ силою и зависѣлъ отъ своихъ ближайшихъ помощниковъ; Ростовцовъ и Чевкинъ были люди новые, не принимавшіе въ предыдущее царствованіе участія въ высшемъ государственномъ управленіи. Остальные два члена, Брокъ и баронъ Корфъ, относились къ крестьянскому вопросу совершенно безразлично. Государь очень хорошо зналъ направленіе мыслей назначенныхъ имъ членовъ, и тѣмъ не менѣе допустилъ рѣшительный перевѣсъ на сторонѣ противниковъ освобожденія, какъ-бы самъ не довѣряя своей мысли и ища противъ нея возраженій. Великій князь Константинъ Николаевичъ, который былъ извѣстенъ за рѣшительнаго и горячаго сторонника

освобожденія, назначенъ былъ членомъ Комитета спустя уже полгода послѣ его открытія. Кромѣ перевѣса стороны противной освобожденію, была въ Комитетѣ и другая невыгодная черта, уже независѣвшая отъ воли Государя: изъ одиннадцати, а въ послѣдствіи двѣнадцати его членовъ, только двое (Муравьевъ и Ланской) служили короткое время въ провинціи и имѣли нѣкоторый опытъ въ мѣстномъ управленіи; всѣже остальные всю свою службу прошли въ Петербургѣ (князь Гагаринъ въ молодости служилъ въ Москвѣ по судебной части), а если нѣкоторые изъ нихъ и живали иногда въ губерніяхъ, то исключительно въ качествѣ военнослужащихъ. Завѣдывавшій дѣлами Комитета Бутковъ еще менѣе членовъ былъ подготовленъ къ рѣшенію предстоявшихъ Комитету вопросовъ о надѣлахъ, повинностяхъ, сельскомъ управленіи и проч., а по направленію вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ своего начальника, князя Орлова. Два члена, Ростовцовъ и баронъ Корфъ, просили даже Государя уволить ихъ отъ участія въ Комитетѣ, по незнакомству ихъ съ крестьянскимъ вопросомъ. Уступая желанію Государя, Ростовцовъ остался въ Комитетѣ; но баронъ Корфъ настоялъ на своемъ увольненіи и былъ замѣненъ министромъ юстиціи графомъ Паниным. Сей послѣдній не сочувствовалъ освобожденію и значительно усилилъ противную реформѣ сторону. При такомъ

составѣ Комитета, какая судьба, по всѣмъ человѣческимъ вѣроятіямъ, ожидала то дѣло, которое ввѣрялось его рукамъ?

Какъ во время самаго хода крестьянскаго дѣла, такъ и въ послѣдствіи, сторонниками освобожденія крестьянъ принято было за правило изображать противниковъ его въ самомъ черномъ видѣ, чуть ли не злоумышленниками противъ своего государя и отечества. Зато самихъ себя многіе сторонники реформы выставляли какими-то избранными и самоотверженными личностями, стоявшими по талантамъ, познаніямъ и гражданскому мужеству выше всѣхъ ихъ соотечественниковъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было, и все это однѣ только фразы. Обѣ противныя стороны дѣйствовали по внушенію самыхъ обыкновенныхъ побужденій человѣческой природы. Противники реформы управлялись: матеріальною выгодою, какъ владѣльцы крѣпостныхъ крестьянъ, опасеніемъ бунтовъ, естественнымъ нежеланіемъ разстаться съ повелительною ролью въ сельскомъ быту, недостаткомъ историческаго образованія и происходившимъ оттуда повѣрьемъ, будто крѣпостное право есть одинъ изъ оплотовъ нашей государственной силы и порядка, наконецъ, нежеланіемъ дѣйствовать противъ своихъ собратій-помѣщиковъ. Сторонники реформы въ свою очередь дѣйствовали въ силу самыхъ обыкновенныхъ побужденій: одни —

изъ увлеченія новыми освободительными идеями, которымъ, какъ уже чувствовалось тогда, принадлежала будущность Россіи и сочувствіе населенія; другіе — изъ желанія угодить власти и сдѣлать себѣ карьеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣсти популярность въ обществѣ. Разчетъ на карьеру въ особенности преобладалъ у чиновниковъ и у лицъ, мѣтившихъ занять хорошія правительственныя должности. Но именно чиновникамъ и принадлежали всѣ литературныя статьи и застольныя рѣчи, въ которыхъ неумѣренно чернилась одна сторона и выставлялась въ театральномъ освѣщеніи другая. Сторонники освобожденія изъ числа помѣщиковъ, участвовавшіе въ губернскихъ комитетахъ и въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ и неразчитывавшіе на служебную карьеру и похвальные атестаты отъ литературнаго ареопага, далеки были отъ того, чтобы дѣйствія противной стороны приписывать какой-то злокозненности, ибо хорошо понимали всю естественность побужденій, руководившихъ дѣйствіями этой стороны. Однако въ поступкахъ нѣкоторыхъ высшихъ лицъ, противившихся реформѣ, была и другая черта, которую нельзя уже объяснить общечеловѣческими побужденіями. Объ этой чертѣ предоставимъ говорить ближайшему участнику описываемыхъ событій, Левшину, который самъ занималъ въ послѣдствіи одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ

и на безпристрастіе котораго вполнѣ можно положиться.

„Нестрота Главнаго Комитета, несогласіе членовъ его въ воззрѣніяхъ на порученное ему дѣло и происходившее изъ того противодѣйствіе ихъ другъ другу не должны удивлять насъ. Въ другомъ государствѣ, гдѣ люди дорожатъ своими мнѣніями и своею репутаціею, подобное собраніе лицъ не могло бы осуществиться: бывъ назначены верховной властью къ разсмотрѣнію подобнаго дѣла, они бы прежде всего ощупали другъ друга, опросили, вывѣдали убѣжденія каждаго, и затѣмъ составили бы программу дѣйствій, которую поднесли бы Государю на утвержденіе. Если бы онъ ея не принялъ, они всѣ или частью отошли бы прочь, почитая безчестіемъ дѣйствовать вопреки совѣсти. Почему не сдѣлалъ того же князь Орловъ? Онъ стоялъ такъ высоко, что ничего бы не потерялъ, а напротивъ выигралъ бы въ глазахъ Государя и всей публики, если бы сказалъ: я не убѣжденъ въ своевременности освобожденія крестьянъ и потому не могу съ полнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ двигать этого дѣла; я гожусь вамъ, Государь, на что-либо иное. Мы спрашиваемъ, почему не сдѣлалъ этого князь Орловъ или иной членъ Комитета, не раздѣлявшій мысли Государя? Потому что въ Россіи никто и ни отъ чего не отказывается, никто своимъ мнѣніемъ не дорожитъ и думаетъ только, какъ угодить Царю и получить за то какую-либо награду. Пока наши государственные люди будутъ такъ дѣйствовать, не быть добру: въ этомъ-то и заключается корень неустройства въ

Россіи. Сравнивая разныя лица между собою, можно быть еще снисходительнымъ къ человѣку, который подавляетъ свою совѣсть, отказывается отъ своихъ мнѣній потому, что ему нужно мѣсто для физическаго существованія; но можно ли тѣмъ путемъ сколько-нибудь оправдать Орлова, Панина и подобныхъ имъ? Неужели они не знаютъ, что ихъ при жизни и по смерти ожидаетъ неумолимый судъ исторіи? Такое ослѣпленіе, такое униженіе и добровольная кабала могутъ быть объяснены только отсутствіемъ всякой самостоятельности" (Записка Левшина, стр. 543—544).

Но и этотъ упрекъ въ отсутствіи самостоятельныхъ убѣжденій, въ готовности, въ угоду власти и для полученія наградъ, отказаться отъ прежняго мнѣнія, въ одинаковой мѣрѣ относится и къ поклонникамъ старыхъ порядковъ, и къ сторонникамъ реформъ. Нанчаще нельзя даже указать той границы, которая отдѣляетъ нашихъ консерваторовъ отъ либераловъ, ибо роли эти мѣняются у насъ попеременно, смотря по обстоятельствамъ времени. Вина здѣсь не столько въ людяхъ, сколько въ окружающихъ насъ условіяхъ и во всей прежней исторіи нашего служилаго сословія, начиная съ Петра Великаго.

Весной 1857 года Государь ѣздилъ за границу. Думаютъ, что тамъ онъ бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ съ прусскимъ королемъ и съ баропомъ Гакстгаузеномъ, который представлялся ему въ Берлинѣ. Предположеніе это весьма вѣроятно. Государь

и прежде того, въ разговорахъ съ близкими людьми, ставилъ прусское дворянство въ примѣръ того, что уничтоженіе крѣпостнаго права не подрываетъ положенія дворянства ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. По возвращеніи Государя изъ-за границы, великій князь Константинъ Николаевичъ назначенъ членомъ Секретнаго Комитета.

Секретный Комитетъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался совершенно безсильнымъ разрѣшить заданную ему задачу и даже не зналъ, какъ взяться за нее. Чувствуя свое безсиліе, онъ занимался разговорами о разныхъ частныхъ и мелочныхъ предметахъ, либо ставилъ себѣ такіе безсодержательные или преждевременные вопросы: можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика? можно ли давать имъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика? можно ли ограничить право помѣщика относительно разбора споровъ и жалобъ между его крестьянами и относительно наказанія крестьянъ? не слѣдуетъ ли принять нынѣ же нѣкоторыя мѣры для облегченія крѣпостнаго состоянія и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? Но даже и эти самодѣльные вопросы, хотя и возбуждали въ Комитетѣ горячія прѣнія, оставались большею частію неразрѣшенными. Нѣкоторые изъ членовъ представляли

отдѣльныя записки, доказывавшія только, какъ мало были они знакомы съ дѣломъ. Въ Іюлѣ 1857 года Комитетъ думалъ свести все дѣло къ пересмотру и дополненію двухъ мертворожденныхъ узаконеній прежняго времени: закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и постановленія 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ; но долженъ былъ оставить эту мысль, въ слѣдствіе возраженій министра внутреннихъ дѣлъ (которыя, какъ и все, шедшее въ то время въ Секретный Комитетъ отъ Ланскаго, были составлены Левшинымъ). Наконецъ, въ Августѣ 1857 года, послѣ бурныхъ засѣданій 14, 17 и 18 чиселъ этого мѣсяца, Комитетъ представилъ Государю планъ своихъ будущихъ дѣйствій. Планъ этотъ былъ въ высшей степени неудовлетворителенъ, темепъ и даже прямо доказывалъ намѣреніе его составителей затянуть дѣло на неопредѣленное время. Комитетъ выражалъ положительное убѣжденіе, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ, ибо они вовсе неприготовлены къ полученію свободы, а внезапное и общее объявленіе ея всѣмъ крестьянамъ разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ. Выходя изъ такого убѣжденія, Комитетъ придумалъ три постепенныхъ періода освобожденія: пріуготовительный, переходный и окончательный. Пріуготови-

тельный періодъ долженъ былъ состоять въ смягченіи крѣпостнаго состоянія, въ открытіи помѣщикамъ способовъ увольнять крестьянъ по взаимнымъ соглашеніямъ и въ собираніи тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для постановленія мѣръ переходныхъ, то-есть для вступленія во второй періодъ. При этомъ Комитетъ находилъ, что первый періодъ не можетъ быть ограниченъ никакимъ срокомъ: ибо важнѣйшими данными, подлежащими собиранію въ этотъ періодъ, будутъ взаимныя условія между помѣщиками и крестьянами, а условіямъ этимъ, какъ добровольнымъ, невозможно назначить никакого срока. О самомъ главномъ—о существѣ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, въ этомъ планѣ не говорилось ничего.

И такъ, по плану Комитета, развязка дѣла скрывалась въ неопредѣленной и далекой будущности, откладывалась, быть можетъ, на полстолѣтіе. Несмотря на то, въ заключеніи своего плана Комитетъ, обращаясь къ Государю, торжественно восклицалъ: „Такимъ образомъ дѣло общаго освобожденія крѣпостнаго сословія не будетъ упущено изъ виду правительствомъ; оно будетъ готовиться къ этому дѣлу, будетъ собирать свѣдѣнія, будетъ обработывать матеріалы, однимъ словомъ—будетъ идти постепенно и осторожно, какъ указано Вашимъ Императорскимъ Величествомъ“. Государь не только утвердилъ этотъ

планъ (18-го Августа 1857 года), но написалъ на немъ слѣдующія слова: „Исполнить; относительно же разногласій, раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату! Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впередъ на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается до сего жизненнаго вопроса“.

Какой отчаянный моментъ въ ходѣ крестьянскаго вопроса! Государь вполнѣ понималъ, что онъ подписывалъ смертный приговоръ имъ же самимъ задуманному предначинанію. Его воля склонялась предъ безвыходностію положенія, ибо онъ видѣлъ себя одинокимъ и безпомощнымъ въ этомъ дѣлѣ. Но когда склонялась воля Императора, его не оставляла вѣра въ небесную звѣзду-путеводительницу: ибо, какъ мы увидимъ потомъ, мысль вывести государственный корабль изъ опасной стоянки не покидала его ни на минуту, и онъ хватался за каждый представлявшійся случай, чтобъ толкать крестьянское дѣло впередъ, на зло разнымъ постепеннымъ періодамъ, которыми думали связать его волю. Благодарность, которую онъ выражалъ составителямъ этого безпадежнаго плана, отнюдь не означала, чтобы онъ заблуждался относительно его смысла или принялъ рѣшеніе слѣдовать его указаніямъ: то

было дѣйствіемъ осторожности, происходило отъ опасенія Государя крутымъ изъявленіемъ своей воли создать въ Комитетѣ вынужденную покорность, столь опасную въ совѣтахъ царскихъ, особенно когда идетъ вопросъ о предметахъ еще неизвѣданныхъ и первостепенной государственной важности.

Послѣ утвержденія журнала 18-го Августа 1857 года, многіе изъ участниковъ въ его составленіи ласкали себя надеждой, что все дѣло уснетъ само собой.

III.

Въ Октябрѣ (1857 г.) получено въ Петербургѣ донесеніе виленскаго генералъ-губернатора Назимова о томъ, что инвентарные комитеты трехъ Сѣверо-западныхъ губерній, хотя дали неопредѣленные и уклончивые отзывы о свойствѣ желаемыхъ ими поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, тѣмъ не менѣе высказали мысль, что пришло время замѣнить крѣпостныя отношенія добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами; по образцу Прибалтійскахъ губерній, и что до этой коренной перемѣны лучше не трогать существующихъ инвентарныхъ правилъ (на половину еще недоконченныхъ). Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Государю отъ 18-го Октября 1857 года, предполагалъ воспользоваться этимъ заявленіемъ трехъ губернскихъ комитетовъ только въ томъ смыслѣ, чтобы и въ другихъ губерніяхъ открыть подобные же комитеты для собранія пріуготовительныхъ свѣдѣній, о которыхъ говорилось въ журналѣ Секретнаго Комитета отъ 18-го Августа 1857 года

но введеніе новаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ начать только съ трехъ Сѣверо-западныхъ губерній, и потомъ постепенно подвигаться къ востоку.

Въ то время, какъ Секретный Комитетъ не торопясь разсматривалъ это неторопливое путепачертаніе для крестьянскаго дѣла, пріѣхалъ въ Петербургъ самъ Назимовъ и настоятельно требовалъ опредѣлительныхъ указаній, безъ которыхъ считалъ неприличнымъ возвратиться въ свои губерніи. Секретный Комитетъ, истощившій всѣ свои ресурсы въ вышеупомянутомъ планѣ трехъ постепенныхъ періодовъ, не могъ, конечно, дать никакихъ опредѣленныхъ указаній. Государь, почти всякій день видаясь съ Назимовымъ и слыша повтореніе, что ему не дано еще никакого отвѣта, пришелъ въ нетерпѣніе и приказалъ, чтобъ черезъ восемь дней отвѣтъ былъ готовъ. Произошелъ переполохъ. „Комитетъ встрепенулся и въ просонкахъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ, составить въ теченіи *трехъ дней* проектъ рескрипта, въ которомъ указать Назимову, на какихъ именно основаніяхъ онъ долженъ приступить къ дѣлу“ (изъ статьи Левшина). Этотъ восьмидневный срокъ, данный Государемъ Комитету, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ моментовъ, когда невидимая рука толкала крестьянское дѣло

впередъ, напереборъ всѣмъ стараніямъ затормозить его на долгіе годы. Предварительныя соображенія для рескрипта, заключающія въ себѣ двадцать два пункта, были наскоро составлены Левшинымъ и исправлены по указаніямъ Муравьева и Ланскаго. Никто изъ нихъ однако не зналъ, чего слѣдовало достигать. Чтобы какъ-нибудь выйти изъ затрудненія, взято было за образецъ поземельное устройство крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ этихъ соображеній Секретный Комитетъ выкроилъ извѣстный рескриптъ Назимову отъ 20-го Ноября 1857 года, а подробности вошли въ наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 21-го Ноября 1857 г.) комитетамъ трехъ Сѣверо-западныхъ губерній. Говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ, исполненномъ впопыхахъ и на скорую руку, работало всего восемнадцать человѣкъ. Рескриптъ Назимову и наставленія губернскимъ комитетамъ посланы были *секретно*, какъ будто дѣло, касавшееся переустройства отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ трехъ губерніяхъ, можно было держать въ секретѣ. Но тотчасъ же по отсылкѣ рескрипта, въ Комитетѣ, какъ говорятъ, по мысли великаго князя Константина Николаевича, былъ составленъ, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, циркуляръ ко всѣмъ губернаторамъ, имѣвшій цѣлью вызвать дворянство и другихъ губерній къ подобному же заявленію желанія улуч-

шить быть крестьянъ. Циркуляръ этотъ (отъ 24-го Ноября 1857 г.) былъ уже назначенъ къ гласному объявленію дворянамъ (но еще не къ напечатанію въ газетахъ), что само собой относилось и къ упоминаемому въ немъ Высочайшему рескрипту 20-го Ноября. На другой день по составленіи циркуляра, члены Комитета спохватились, что слишкомъ поторопились оглашеніемъ дѣла, и прислали къ министру внутреннихъ дѣлъ узнать, нельзя ли остановить циркуляръ; но онъ былъ уже отправленъ на почту: ибо Ланской, вѣроятно предвидя колебаніе Комитета, велѣлъ отпечатать циркуляръ ночью и тотчасъ сдать въ почтамтъ. При циркулярѣ 24-го Ноября прилагалось и упомянутое выше наставленіе министра внутреннихъ дѣлъ губернскимъ комитетамъ трехъ Сѣверо-западныхъ губерній. Для характеристики этого наставленія достаточно упомянуть, что въ немъ между прочимъ было сказано, что, въ случаѣ неисправности крестьянина въ оброкѣ, помѣщику предоставляется переводить его на барщину, а въ случаѣ неисправности барщинника—отъ него отнимается тягловой участокъ.

Послѣ отсылки рескрипта Назимову, Комитетъ, уступая нетерпѣливымъ понужденіямъ Государя, вспомнилъ, что дворянство двухъ уѣздовъ Петербургской губерніи, Петербургскаго и Ямбургскаго, давно уже представило проекты укаконеній, опре-

дѣлявшихъ повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, а въ сущности имѣвшихъ цѣлью предупредить рѣшительныя мѣры правительства къ уничтоженію крѣпостнаго права. Отрыли это малое сѣмя, безплодно лежавшее дотолѣ въ пыли архива министерства внутреннихъ дѣлъ, и, къ немалому удивленію дворянъ Петербургской губерніи, имъ объявленъ былъ Высочайшій рескриптъ отъ 5-го Декабря 1857 года, на имя с.-петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева, по существу одинаковаго содержанія съ рескриптомъ Назимову.

Затѣмъ слѣдуетъ новый толчекъ незримой руки. Рескрипты обоимъ генералъ-губернаторамъ и вызывающій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 24-го Ноября, были получены въ Нижнемъ-Новгородѣ во время съѣзда всего дворянства для выборовъ. Губернаторомъ тамъ былъ старикъ А. Н. Муравьевъ, бывшій декабристъ, родной братъ тогдашняго министра государственныхъ имуществъ и старинный пріятель Ланскаго. Сочувствуя всею душой освобожденію крестьянъ, онъ уговорилъ весьма многихъ изъ собравшихся дворянъ послать немедленно адресъ Государю и просить дозволенія заняться освобожденіемъ крестьянъ. Адресъ былъ посланъ съ нарочнымъ и принятъ Государемъ съ восторгомъ. Тотчасъ былъ написанъ Муравьеву такой же рескриптъ (отъ 24-го Декабря), какъ Назимову

и Игнатьеву, и послалъ въ Нижній съ тѣмъ же самымъ нарочнымъ.

Положимъ, что Нижегородское дворянство, посылая адресъ, не предвидѣло объема зачинавшагося преобразованія: его депутаты, прибывшіе благодарить Государя за рескриптъ, прямо говорили, что ихъ дворянство полагало отпустить крестьянъ своихъ безъ земли. Тѣмъ не менѣе добровольный откликъ дворянства Нижегородской, а потомъ и всѣхъ остальныхъ губерній на вызовъ Государя, хотя бы съ мыслью отказаться только отъ распоряженія личностью и трудомъ крестьянина, представляетъ рѣдкій въ исторіи примѣръ непритязательности и самоограниченія дворянскаго сословія. Ничего подобнаго не встрѣчается въ исторіи освобожденія крестьянъ въ Германскихъ государствахъ, гдѣ правительства долгими годами и шагъ за шагомъ ограничивали крѣпостное право помѣщиковъ. Безпощадная жестокость англійскихъ лендъ-лордовъ къ ирландскимъ поселянамъ, не уступающая никакимъ устрашеніямъ со стороны послѣднихъ, извѣстна всему міру. Надобно притомъ принять во вниманіе, что наше прежнее законодательство не сдѣлало ни одного шага, чтобъ подготовить дворянство къ упраздненію крѣпостнаго права. Для русскихъ помѣщиковъ не существовалъ даже инвентарный вопросъ, побудившій польское дворянство трехъ Сѣверо-за-

падныхъ губерній предпочесть личное освобожденіе крестьянъ строгому законодательному опредѣленію ихъ надѣловъ и повинностей. Даже въ литературѣ строжайше было запрещено касаться крѣпостнаго права. Въ эпоху освобожденія многіе судили о дворянствѣ по частнымъ случаямъ, въ которыхъ проявлялись крѣпостныя привычки и весьма естественное въ то время раздраженіе со стороны многихъ помѣщиковъ; но теперь, отойдя отъ той эпохи на четверть столѣтія, мы можемъ обозрѣвать поведеніе дворянства въ его цѣломъ видѣ и въ общихъ очертаніяхъ, не упираясь взоромъ въ частныя и мелочныя подробности. Смотря на наше дворянство съ этой точки зрѣнія и нисколько не создавая себѣ преувеличеннаго мнѣнія о его достоинствахъ, нельзя однако не признать, что общая картина поведенія помѣщиковъ, какъ при первыхъ вызовахъ со стороны правительства, такъ и потомъ, при объявленіи свободы и введеніи Положенія, свидѣтельствовала о непритязательности и сговорчивости нашего дворянства, объ его уваженіи къ чужому праву, а во множествѣ случаевъ—и о горячей его готовности, цѣною собственнаго труда и пожертвованій, служить на пользу меньшихъ братій, столько вѣковъ соединенныхъ съ нимъ тѣсными узами совмѣстной жизни и труда. Вспомнимъ, что и большинство членовъ Редакціонныхъ Коммисій, и всѣ члены

губернскихъ комитетовъ, и мировые посредники, вводившіе Положеніе 19-го Февраля, все это были помѣстные дворяне, жившіе сельскимъ хозяйствомъ и владѣвшіе крѣпостными рабочими. Своимъ поведеніемъ дворянство наше доказало свою правоспособность, и послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, остаться во главѣ сельскаго населенія, быть блюстителемъ порядка въ деревенскомъ быту и охранителемъ разумнаго сельскаго хозяйства. А между тѣмъ, когда прославлялись и самохвальствовали люди, ничѣмъ въ крестьянскомъ вопросѣ не жертвовавшіе, а напротивъ того чрезъ него сдѣлавшіе или надѣявшіеся сдѣлать себѣ карьеру, дворянство наше обзывалось въ литературѣ крѣпостническимъ, служило и доселѣ еще служитъ тамъ предметомъ потѣхи и грубыхъ оскорбленій. Но это только указываетъ на то, каковы теперь вкусы и требованія большинства читателей: ибо присяжные литераторы суть не болѣе, какъ торговцы, старающіеся предлагать покупателямъ тотъ товаръ, который въ данную минуту всего болѣе въ спросѣ на литературной толкучкѣ. Гораздо важнѣе по послѣдствіямъ было то, что несправедливость къ дворянству и духъ демократическаго верстанія сословій подъ одинъ уровень обуяли многихъ изъ среды высшаго петербургскаго чиновничества. Эти-то люди и соорудили цѣлый рядъ узаконеній, не только отстранившихъ дворянство

отъ блюстительной и руководящей роли въ сельскомъ быту, но намѣренно унизившихъ его въ глазахъ простолюдиновъ. Слѣды предумышленной несправедливости къ дворянству проникли даже и въ Положеніе 19-го Февраля 1861 года, въ видѣ устраненія дворянства отъ всякаго вліянія на благоустройство и благочиніе сельскаго быта. Освобожденные крестьяне вскорѣ оказались не только безъ всякой внушительной власти юридической на мѣстахъ ихъ жительства, но и безъ власти нравственной, и потому, какъ всякая темная и самой себѣ предоставленная толпа, сдѣлались жертвой своего произвола и зловредныхъ личностей, умѣющихъ пользоваться неустройствомъ толпы.

Послѣ добровольнаго вызова, сдѣланнаго нижегородскими дворянами, Государь сталъ уже съ нетерпѣніемъ ожидать вызова отъ московскаго дворянства, и такъ какъ такого долго не получалось (какъ говорили, въ слѣдствіе внушеній того же Закревскаго, который пугалъ Государя опасностью крестьянскихъ бунтовъ), то подъ рукой дано было знать Закревскому о неприличіи такой медлительности для древней столицы. Наконецъ, въ Январѣ 1858 года, отозвались и москвичи, въ слѣдствіе чего графу Закревскому посланъ былъ такой же рескриптъ, отъ 16 Января 1858 года. Нетерпѣніе Государя было понятно: утомленный безплодностью

совѣщаній Секретнаго Комитета, съ душевной горечью сознававшій, что задуманное имъ дѣло откладывалось въ долгій ящикъ, онъ вдругъ увидѣлъ случай толкнуть его впередъ, ухватясь за вывозы самого дворянства и, такъ сказать, наперекоръ своимъ совѣтникамъ съ ихъ тремя постепенными періодами. По волѣ Государя, рескриптамъ, предназначавшимся сперва только для сообщенія дворянству, придана была наконецъ полная гласность, чрезъ напечатаніе ихъ въ газетахъ и въ особенности въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ дворянство, вѣрное своему исконному, тогда еще непоколебленному въ немъ правилу—гдѣ Царь, тамъ и дворянство, стало присылать адресы изъ всѣхъ губерній съ изъявленіемъ готовности приступить къ осуществленію мысли Государя. Въ отвѣтъ на адресы слѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя начальниковъ губерній, съ разрѣшеніемъ открывать въ губерніяхъ дворянскіе комитеты для составленія проектовъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Губернскимъ комитетамъ назначался шестимѣсячный срокъ для окончанія возложеннаго на нихъ труда; но потомъ даваемы были отсрочки. Рескрипты сопровождались тѣмъ же циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, который былъ приложенъ къ первымъ рескриптамъ и имѣлъ значеніе наставленія губернскимъ комите-

тамъ. Къ 1-му Іюля 1858 года не осталось ни одной губерніи, гдѣ дворянствомъ не было бы заявлено желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Съ придапіемъ этому дѣлу полной гласности, Секретный Комитетъ переименованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, о чемъ данъ указъ Сенату 8-го Января 1858 года, распубликованный во всѣхъ газетахъ. Въ Іюлѣ того жъ 1858 года при Главномъ Комитетѣ, изъ четырехъ его членовъ: Ланскаго, графа Панина, Муравьева и Ростовцова, образована коммисія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ, имѣющихъ поступать отъ губерпскихъ комитетовъ.

Опубликованіе рескриптовъ было важнѣйшимъ моментомъ во всемъ крестьянскомъ дѣлѣ, до окончательнаго объявленія Положенія. Важность рескриптовъ заключалась не въ ихъ содержаніи, а въ томъ, что они придавали рѣшенію Государя освободить крестьянъ всенародную гласность, а слѣдовательно и безповоротное дѣйствіе. Сами по себѣ рескрипты не рѣшали и не могли рѣшить ни одного изъ основапій будущей реформы. Составленные впопыхахъ, въ восьмидневный срокъ, они ограпичились четырмя весьма неопредѣленными положеніями: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; 2) крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опре-

дѣлснаго времени, пріобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ выкупа; 3) сверхъ того крестьянамъ предоставляется въ пользованіе надлежащее количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику; 4) помѣщикамъ предоставляется вотчинная полиція. На этой канвѣ можно было выткать какое угодно положеніе для крестьянъ. На самомъ же дѣлѣ первое и второе изъ приведенныхъ правилъ подверглись въ Положеніи 19-го Февраля весьма существеннымъ измѣненіямъ; четвертое правило вовсе устранено изъ Положенія; а третье, къ счастью выраженное наболѣе эластично, вылилось въ форму опредѣленныхъ и неотъемлемыхъ надѣловъ за опредѣленныя же закономъ повинности. Понятно, что никакая человѣческая мудрость не могла рѣшить основныхъ положеній этой реформы въ короткое время, безъ собранія нужныхъ матеріаловъ и безъ совѣщанія хотя съ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Поэтому надобно быть благодарну Главному Комитету и за то, что онъ не сказалъ ничего больше того, что сказано въ рескриптахъ: иначе онъ связалъ бы руки будущимъ составителямъ Положенія, такъ какъ слишкомъ явныя отступленія отъ монаршаго слова не должны быть допускаемы въ Россіи. Все крестьянское дѣло шло вначалѣ неправильно, безъ всякаго опредѣленнаго плана, ощупью и скачками, посреди двухъ про-

тивоположныхъ теченій, изъ которыхъ теченіе благопріятное дѣлу освобожденія сосредоточивалось почти исключительно въ особѣ Государя: ибо сочувствіе одной половины образованнаго общества и желанія милліоновъ крестьянъ не принимались въ разчетъ въ чертогахъ нашего законодательства. Поэтому можно ли упрекать почившаго Государя за то, что онъ торопилъ своихъ помощниковъ составленіемъ рѣшительнаго отвѣта Назимову, или за то, что онъ воспользовался первыми заявленіями дворянства и, на ихъ основаніи, косвеннымъ образомъ вызывалъ и заявленія отъ прочихъ губерній? Какъ вполнѣ русскій человѣкъ, стоявшій притомъ въ самомъ средоточіи правительственнаго круга, онъ хорошо зналъ, что здѣсь надобно ковать желѣзо, пока горячо, и что самъ Самодержецъ Русскій долженъ пользоваться благопріятною минутой для осуществленія своей мысли: иначе завтрешній день можетъ унести то, что принесъ сегоднешній, ибо дни русскіе злы и измѣнчивы. Рескрипты, какъ бы ни были неопредѣленны и неполны выраженныя въ въ нихъ положенія, сдѣлали свое дѣло: послѣ нихъ дальнѣйшее сохраненіе крѣпостнаго права въ Россіи стало невозможнымъ. Это былъ звукъ трубы Архангела, возвѣстившій милліонамъ мертвецовъ, что приближается день вовскресенія, что восходитъ звѣзда утренняя, предваряющая солнце свободы. Отъ

этой вѣсти не только дрогнули сердца двадцати милліоновъ живыхъ мертвецовъ, но, казалось, взыграли кости поколѣній, давно уже уснувшихъ въ могилахъ. То были незабвенныя, святыя минуты въ русской исторіи, подобныя тѣмъ, когда, въ ночь предъ пасхальной заутреней, русскій народъ въ благоговѣйномъ безмолвіи ждетъ удара колокола и первыхъ звуковъ священной пѣсни Воскресенія. Въ такомъ же сосредоточенномъ безмолвіи ожидали русскіе поселяне и возвѣщенія имъ свободы, во все время приготовительныхъ работъ по этому дѣлу, длившихся болѣе трехъ лѣтъ со времени объявленія первыхъ рескриптовъ. Помѣщики пожилые, весь вѣкъ свой проведшіе съ крестьянами, признавались потомъ, что они не ожидали отъ нихъ такого спокойствія и самообладанія. Какъ много въ этомъ народѣ задатковъ порядочности и жизненной крѣпости, и сколько хорошаго можно бы изъ него сдѣлать, при нѣкоторомъ умѣньи направлять его на надлежащій путь!

IV.

Вскорѣ по учрежденіи Секретнаго Комитета, изъ числа его членовъ сталъ выдѣляться генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, которому суждено въ послѣдствіи играть первую роль въ крестьянскомъ вопросѣ. Вначалѣ онъ не болѣе другихъ членовъ былъ подготовленъ къ рѣшенію этого вопроса и даже, какъ сказано выше, отказывался отъ участія въ немъ. Но онъ съ пламеннымъ увлеченіемъ присоединился къ мысли Государя, усердно сталъ искать всѣхъ способовъ просвѣтить себя въ этомъ новомъ для него дѣлѣ, и, пользуясь давнишнею близостью къ Государю, употребилъ все свое вліяніе для того, чтобъ поддерживать его въ принятомъ имъ рѣшеніи. Ростовцовъ былъ человѣкомъ новымъ въ высшемъ правительственномъ кругу, занимавъ до вступленія Императора на престолъ второстепенное мѣсто начальника штаба Государя Наслѣдника, какъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ онъ сдѣланъ былъ тотчасъ по вступленіи

Государя на престолъ, и только тогда вошелъ въ сферу высшихъ государственныхъ вопросовъ и сталъ знакомиться съ разнообразными отдѣлами нашего законодательства. Онъ не имѣлъ ни родства, ни другихъ связей съ родовитымъ дворянствомъ и вовсе не владѣлъ крестьянами. Всею своею предшествующею служебной карьерой онъ былъ обязанъ своимъ способностямъ и чрезвычайному расположенію къ нему покойнаго великаго князя Михаила Павловича, бывшаго, до самой своей кончины, главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Близость къ Государю и въ то же время неимѣніе никакихъ обязывающихъ связей въ высшемъ правительственномъ и аристократическомъ мірѣ были счастливымъ сочетаніемъ условій, дававшимъ Ростовцову возможность служить крестьянскому дѣлу съ безпристрастіемъ и независимостью мнѣній и съ могучей поддержкою самого Государя, съ которымъ онъ сносился безъ всякихъ посредствующихъ инстанцій. Съ другой стороны, его еще нестарые годы (въ 1857 году ему было 53 года) и способность его легко схватывать общій смыслъ новыхъ для него вопросовъ давали ему преимущество предъ многими лицами его званія. Наконецъ, у Ростовцова была черта довольно рѣдкая у насъ въ людяхъ, достигшихъ высшихъ государственныхъ степеней: онъ думалъ объ исторіи, вѣрилъ въ ея верховный судъ, меч-

талъ о почетной для себя страницѣ на ея свиткахъ. Такимъ образомъ никакія побужденія не внушали Ростовцову идти противъ реформы, тогда какъ у него были очень сильные поводы дѣятельно пристать къ мысли Государя: чрезъ это само собой усиливалось личное вліяніе его на Государя и укрѣплялось Высочайшее къ нему благорасположеніе, заслуживалось въ будущемъ сочувствіе всей передовой части общества и пріобрѣталось почетное имя въ исторіи. Къ послѣднему побужденію Ростовцовъ потому въ особенности былъ неравнодушенъ, что завистливые или лично къ нему враждебные языки старались клеветами очернить его имя въ глазахъ современниковъ и потомства. Въ началѣ крестьянскаго дѣла заслуга Ростовцова состояла въ личномъ вліяніи его на Государя. Убѣждать Государя въ необходимости освобожденія крестьянъ не было никакой надобности, ибо Государь былъ убѣжденъ въ этомъ не менѣе всякаго другаго: но нужно было поддерживать въ немъ рѣшимость привести эту мѣру въ исполненіе; нужно было не дать овладѣть имъ чувствамъ усталости и уныніи, столь естественнымъ въ каждомъ человѣкѣ, встрѣчающемъ на своемъ пути однѣ только проволочки и устрашенія. Да будетъ позволено занести въ эту памятную записку, для будущаго историка, слѣдующія знаменательныя слова Государя Императора, сказанныя имъ Ростов-

цову: «Я даже отъ самыхъ близкихъ мнѣ людей постоянно слышу одни только упреки и сѣтованія за то, что началъ это дѣло». Нѣкоторые изъ числа безусловныхъ противниковъ освобожденія, несоглашавшіеся ни на какую его форму, кромѣ личнаго увольненія крестьянъ, съ правомъ помѣщика сгонять ихъ съ своей земли (напримѣръ членъ Главнаго Комитета князь Гагаринъ), имѣли вліяніе на образъ мыслей самаго высшаго придворнаго круга, постоянно находившагося въ соприкосновеніи съ Государемъ; тогда какъ изъ лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, близостью къ Государю пользовались только великій князь Константинъ Николаевичъ и Ростовцовъ. Не легко было Государю, при такой обстановкѣ, поддерживать въ себѣ бодрость духа и рѣшимость осуществить и довести до конца задуманное имъ дѣло. Тѣмъ важнѣе была для него нравственная поддержка человѣка, весьма къ нему близкаго и хорошо изучившаго особенности его характера. Въ послѣдствіи этотъ же самый человѣкъ оказалъ Государю и Россіи еще большую услугу — нашелъ выходъ для окончательнаго рѣшенія самаго вопроса, когда Главный Комитетъ не зналъ, какъ его распутать, и тянулъ время въ безплодныхъ словопреніяхъ.

Дорога, которою слѣдовалъ Ростовцовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, далеко не была усыпана для него розами: онъ сильнѣйшимъ образомъ возстано-

вилъ противъ себя почти весь ближайшій къ Государю придворный и правительственный кругъ. Здѣсь не столько имѣли въ виду то или другое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, въ которомъ не всѣ даже высшія лица были заинтересованы, сколько личное вліяніе на Государя, пріобрѣтавшееся Ростовцовымъ при посредствѣ крестьянскаго вопроса. Извѣстно, что вліяніе на Монарха изстари было у насъ главнымъ предметомъ всѣхъ соперничествъ между верховными правительственными лицами. Можно сказать, что, съ 1857 года по самый день смерти Ростовцова, былъ выслѣживаемъ и истолковываемъ въ дурную сторону каждый шагъ его *). Въ то же время Герценъ и его петербургскіе сотрудники по „Колоколу“ поносили Ростовцова всевозможными клеветами на всю Россію и Европу. Тогда какъ, по словамъ однихъ, онъ толкалъ Государя на путь мужицкой революціи и истребленія дворянъ, по словамъ другихъ онъ забиралъ крестьянское дѣло въ свои руки только для того, чтобы, въ согласіи съ „крѣпостниками“, обмануть Государя и свести дѣло на ничто. Въ 1858 году рѣдкій нумеръ „Колоко-

*) Намъ извѣстно фактически, что непримиримая вражда къ Ростовцову нѣкоторыхъ высшихъ лицъ не угасла и послѣ его смерти и отразилась на близкихъ къ нему людяхъ: сперва на авторѣ этихъ воспоминаній, а потомъ и на родныхъ дѣтяхъ Ростовцова. *П. Бартеневъ.*

ла“ не заключалъ въ себѣ какой-нибудь позорящей статьи на Ростовцова, гдѣ въ совершенно лживомъ видѣ изображались дѣйствія его то въ крестьянскомъ вопросѣ, то по управленію военно-учебными заведеніями, то въ исторіи 14-го декабря 1825 года *). Удары, направляемые противъ Ростовцова съ той и другой стороны, производили свое дѣйствіе. За эти три года, расположеніе къ нему Государя не рѣдко круто мѣнялось на неудовольствіе, длившееся впрочемъ очень недолго, благодаря, быть можетъ, и тому, что изъ близкихъ лицъ не на кого больше было опереться въ крестьянскомъ дѣлѣ. Позорящія же статьи „Колокола“ съ восторгомъ передавались изъ рукъ въ руки какъ „консерваторами“, такъ и „либералами“, и читались даже гимназистами и кадетами. При впечатлительной, нервной природѣ Ростовцова, удары съ той и другой стороны глубоко его возмущали и разстроивали. Они тѣмъ сильнѣе чувствовались, что приходилось скрывать свои чувства отъ всѣхъ. Весьма вѣроятно, что зародышъ болѣзни, сведшей его въ могилу, таился именно въ этихъ моральных

*) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., стр. 449 и 486, напечатаны сообщенные Ѳ. П. Еленевымъ, съ его предисловіемъ, документы, несомнѣнно доказывающіе, что въ декабрѣ 1825 г. Ростовцовъ дѣйствовалъ открыто, честно и рискуя собственною жизнью, какъ подобаетъ вѣрноподданному. *П. Бартеневъ.*

ныхъ потрясеніяхъ его нервной натуры. Мы входимъ въ эти личныя подробности относительно Ростовцова потому, что онѣ служатъ наглядными поясненіемъ тѣхъ стадій, которыя проходило крестьянское дѣло въ первый періодъ своего развитія.

V.

Послѣ Высочайшихъ рескриптовъ и открытія губернскихъ комитетовъ для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ, Главный Комитетъ не проявилъ своей дѣятельности ничѣмъ существеннымъ и не пришелъ даже къ соглашенію относительно главныхъ основаній, на которыхъ .слѣдуетъ утвердить реформу, оповѣщенную уже во всеобщее свѣдѣніе. Ростовцовымъ внесено было въ Главный Комитетъ нѣсколько записокъ, разсуждавшихъ частію о предполагаемомъ ходѣ крестьянскаго дѣла, частію о предметахъ довольно преждевременныхъ, какъ напр. объ усиленіи административныхъ властей въ губерніяхъ и уѣздахъ, въ виду безпокойствъ, ожидавшихся при объявленіи свободы. Въ этотъ періодъ крестьянскаго вопроса, когда одинъ за другимъ открывались губернскіе комитеты, главная руководящая дѣятельность должна бы сосредоточиваться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; но какъ все въ этомъ дѣлѣ шло навыворотъ, то и дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ оказалась въ

эту минуту весьма незначительной и невліятельной. Происходило это частію отъ того, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, по своимъ лѣтамъ и характеру, не могъ удовлетворять требованіямъ этого, важнѣйшаго въ ту минуту государственнаго поста; частію же отъ того, что и та доля полезной дѣятельности, какую могъ бы проявлять Ланской, при содѣйствіи своего товарища Левшина, была парализуема ревнивымъ отношеніемъ къ нему другихъ членовъ Главнаго Комитета. Ему было воспрещено дѣлать какія бы то ни было распоряженія по крестьянскому дѣлу безъ утвержденія Главнаго Комитета, а нѣкоторые изъ министерскихъ циркуляровъ по губерніямъ были составляемы даже вовсе безъ участія Ланскаго и только препровождались къ нему для подписанія и разсылки. Такъ напр. циркуляръ отъ 17-го Февраля 1858 г. къ тремъ генералъ-губернаторамъ и нижегородскому губернатору (повторенный потомъ и ко всѣмъ прочимъ губернаторамъ) былъ составленъ, въ одну ночь, въ квартирѣ Ростовцова, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ нему было только придѣлано вступленіе. Циркуляръ этотъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые губернскіе комитеты считали для себя необязательными соображенія министерства внутреннихъ дѣлъ, разосланныя вмѣстѣ съ рескриптами, такъ какъ въ этихъ соображеніяхъ усматривалось нѣко-

торое несогласіе съ рескриптами. Поэтому требовалось яснѣе поставить комитетамъ на видъ тѣ главныя основанія реформы, которыя въ комитетскихъ проектахъ должны оставаться неприкосновенными. Но Главный Комитетъ самъ еще отыскивалъ эти никому непзвѣстныя основанія. По необходимости, пришлось въ циркулярѣ 17-го Февраля пріискивать такіе обороты рѣчи, которые какъ будто что-то уясняли, а въ сущности были только общими мѣстами или частностями, совершенно ненужными для начала дѣла.

Циркуляръ этотъ не прекратилъ однако толковъ, что соображенія министра внутреннихъ дѣлъ необязательны для губернскихъ комитетовъ. Главный Комитетъ сталъ опасаться, что проекты губернскихъ комитетовъ по своей разнохарактерности будутъ вполнѣ между собой несогласимы. Тогда явилась мысль преподать губернскимъ комитетамъ однообразную программу для ихъ проектовъ. Такая программа была составлена, по порученію Ростовцова, М. П. Позеномъ*); затѣмъ она была обсужена ими вмѣстѣ

*) Позенъ, игравшій нѣкогда большую роль при военномъ министрѣ князѣ Чернышевѣ и носившій тогда званіе статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества, въ это время жилъ въ отставкѣ въ своемъ богатомъ полтавскомъ имѣніи. І. П. Ростовцовъ, съ давнихъ поръ находившійся съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, вызвалъ его въ Петербургъ для совѣщаній, желая воспользоваться его опытностью въ законахъ и близкимъ знаніемъ помѣщичьяго быта, въ чемъ именно Ростовцовъ чувствовалъ въ себѣ недостатокъ.

съ министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ, много разъ была исправляема и дополняема по указаніямъ Ростовцова, и наконецъ была разсмотрѣна и утверждена Главнымъ Комитетомъ, въ личномъ присутствіи Государя. Программа эта была разослана губернскимъ комитетамъ 21-го Апрѣля 1858 г., подъ именемъ Высочайше утвержденной программы для занятій губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Составители программы старались опредѣлить въ ней порядокъ занятій губернскихъ комитетовъ и предварительныхъ уѣздныхъ совѣщательныхъ собраній, а также самую форму проектовъ губернскихъ положеній, дабы однообразная форма могла облегчить разсмотрѣніе ихъ въ Главномъ Комитетѣ. Въ сущности была достигнута только послѣдняя цѣль; въ остальномъ программа осталась безъ практическихъ послѣдствій и даже подала потомъ поводъ къ затрудненіямъ. Въ программѣ предполагалось, что высшее правительство будетъ разсматривать, исправлять и утверждать одно за другимъ положенія, составляемыя губернскими комитетами, и затѣмъ будетъ обращать ихъ въ тѣ же самые комитеты для введенія въ дѣйствіе. Главный Комитетъ, не имѣя собственнаго плана для реформы, думалъ осуществить ее посредствомъ отдѣльныхъ проектовъ, составленныхъ по губерніямъ и только между собою

соглашенныхъ относительно главныхъ началъ. Въ такомъ пестромъ видѣ представлялось тогда правительству это великое дѣло! Вмѣсто того, чтобъ ограничиться требованіемъ отъ губернскихъ комитетовъ свѣдѣній, необходимыхъ для начертанія Положенія самимъ правительствомъ, программа заставила ихъ написать подробныя и систематическія положенія. Труда было много, и на половину напраснаго, а многихъ необходимѣйшихъ свѣдѣній не доставало. Такъ надѣлы и оброки въ имѣніяхъ свыше ста душъ по всѣмъ губерніямъ были показаны только въ меньшинствѣ имѣній и показанія эти остались безъ всякой поэѣрки. Между тѣмъ, заставивъ губернскіе комитеты написать цѣльныя положенія, правительство ввело ихъ въ заблужденіе относительно настоящаго значенія ихъ работы и отчасти связало себѣ руки. Отсюда возникло въ послѣдствіи со стороны дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ въ Редакціонныя Коммисіи, невозможное требованіе, чтобъ губернскія положенія были оставлены безъ измѣненія и утверждались для каждой губерніи отдѣльно.

Въ Маѣ 1858 года Ростовцовъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ медиковъ, долженъ былъ уѣхать на заграничныя воды. Немедленно послѣ его отъѣзда обнаружились слѣды скрытыхъ усилій противной партіи оттереть его отъ Государя. На обычномъ смотру военно-учебныхъ заведеній, Государь,

всегда бывшій къ нимъ милостивымъ, обнаружилъ, для всѣхъ неожидано, неудовольствіе и даже раздраженіе. Разумѣется, виною были не кадеты и ихъ командиры: наши юные солдатики и въ этотъ разъ, какъ всегда, исполняли свои построенія и движенія правильно и быстро. Тутъ сказалось дѣйствіе усиленныхъ наговоровъ на Ростовцова, котораго вліяніе на Государя для многихъ было нестерпимо *). Для поддержанія сношеній съ Государемъ и исполняя выраженное Его Величествомъ желаніе, Ростовцовъ писалъ ему изъ-за границы письма по крестьянскому вопросу. Письма эти не выходили изъ рамки общихъ мѣстъ, отрывочныхъ соображеній и благочестивыхъ пожеланій; но ихъ достоинство заключалось въ ихъ полезномъ вліяніи на Государя. Въ нихъ, во первыхъ, проводилась мысль о надѣлѣ крестьянъ пахатною землею въ *постоянное пользованіе*, въ чемъ лежалъ центръ тяжести всей будущей реформы; во вторыхъ, въ нихъ постоянно выражалась ободряющая увѣренность Ростовцова въ благополучномъ окончаніи ре-

*) Доселѣ еще здравствуютъ нѣкоторыя высшія лица тогдашняго управленія военно-учебныхъ заведеній, бывшія свидѣтелями упоминаемаго случая. Не лишне также прибавить, что Ростовцовъ, хотя назывался только начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ, но на дѣлѣ былъ полномочнымъ ихъ начальникомъ, на правахъ министерскихъ, то-есть безъ всякаго подчиненія военному министру.

формы, ко славѣ Государя и ко благу народа. Посреди столькихъ несочувственныхъ и устрашающихъ голосовъ, ободрительная рѣчь Ростовцова производила на Государя большое впечатлѣніе, чему скоро мы увидимъ здѣсь доказательство.

Въ теченіе того же лѣта 1858 года Государь совершилъ поѣздку по многимъ губерніямъ. Эта поѣздка, по своему значенію, выходила изъ ряда обычныхъ Высочайшихъ путешествій по Россіи. Русскій Самодержецъ дѣйствительно являлся здѣсь исполнителемъ своего важнѣйшаго призванія: въ рѣшительныя минуты народной жизни быть направителемъ ея теченія, и, силою своего непререкаемаго слова, устранять препятствія на пути къ общегосударственному благу. „Самодержавіемъ создано у насъ крѣпостное право, самодержавіе же обязано и уничтожить его“, сказалъ Государь спустя $2^1/_2$ года въ Государственномъ Совѣтѣ, при разсмотрѣніи проекта Редакціонныхъ Коммисій. Послѣ избавленія Россіи отъ татарскаго ига, это былъ благодѣтельнѣйшій подвигъ русскаго самодержавія. Что̀ въ другихъ странахъ совершалось путемъ медленныхъ уступокъ со стороны дворянства, въ теченіе полустолѣтій и долѣе, то у насъ осуществилось быстро и легко, силой личнаго вліянія Монарха и исконной духовной связи, существовавшей между русскимъ Царемъ и русскимъ дворянствомъ. Эти живые и могущественные двига-

тели нашей исторіи, хранившіеся не въ хартіяхъ, а въ сердцахъ и убѣжденіи людей, воочію проявили свое дѣйствіе во время сказанной поѣздки Государя по губерніямъ. Государь во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губернскихъ городахъ обращался къ дворянству съ рѣчами, исполненными достоинства, такта и неподдѣльнаго чувства. Онъ выражалъ увѣренность, что дворянство будетъ споспѣшествовать выполненію его намѣреній; московскому же дворянству высказалъ упрекъ за медленность, съ какою оно отозвалось на его вызовъ. Этотъ упрекъ произвелъ большое впечатлѣніе на дворянства другихъ губерній. Главная сила рѣчей Государя была въ томъ, что изъ нихъ дворянство увидѣло непзмѣнность воли Государя двинуть впередъ крестьянское дѣло, тогда какъ до той поры многіе, въ слѣдствіе ложныхъ слуховъ, еще сомнѣвались въ неизбѣжности реформы. Путешествіе Государя продолжалось съ Іюня по Октябрь.

Въ концѣ Сентября Ростовцовъ, возвращаясь изъза границы, встрѣтился съ Государемъ въ Варшавѣ и былъ принятъ имъ довольно холодно. Наговоры, обнаружившіеся на смотру военно-учебныхъ заведеній, еще продолжали свое дѣйствіе. Повидимому думали обойтись безъ него. Но вскорѣ по возвращеніи Государя въ Петербургъ, Ростовцовъ вошелъ съ нимъ почти въ ежедневныя сношенія по крестьянскому вопросу и вполнѣ вернулъ къ себѣ его распо-

ложеніе. По приказанію Ростовцова, его письма къ Государю изъ-за границы были приведены, насколько было возможно, въ болѣе систематитеское изложеніе и напечатаны отдѣльной брошюрою, которая и была тотчасъ представлена Государю. Возвратившись однажды отъ Государя, Ростовцовъ выразился такъ: „Государь сегодня сказалъ мнѣ, что они съ Императрицей читаютъ и перечитываютъ мои письма, и чѣмъ больше въ нихъ вчитываются, тѣмъ больше находятъ въ нихъ крупныхъ достоинствъ“. Эти слова Государя доказывали, какъ отрадно для него было услышать слово сочувствія и ободренія въ этомъ близкомъ его сердцу дѣлѣ, гдѣ гораздо чаще ему случалось встрѣчать равнодушіе и даже противодѣйствіе. Предметъ былъ такъ еще теменъ для всѣхъ, что о постановкѣ главныхъ вопросовъ и систематическомъ ихъ развитіи нечего было и думать. При бездѣятельности Главнаго Комитета, важно было и то, что хотя одинъ изъ его членовъ предался этому дѣлу съ увлеченіемъ, работалъ мысленно и усилвался разъяснить себѣ этотъ темный вопросъ. На безплодной почвѣ Главнаго Комитета это было живое зерно, которое, подъ вліяніемъ свѣта и тепла, исходившихъ отъ престола, выросло потомъ въ дѣло, разрѣшившее вопросъ и, быть можетъ, спасшее Россію отъ повсемѣстныхъ народныхъ волненій. Волненія эти были бы весьма вѣроятны, если бъ дѣло, всенародно

объявленное отъ имени Царя, было замято или остановилось на какой-нибудь полумѣрѣ, въ родѣ выкупа крестьянами однѣхъ усадебъ, безъ предоставленія имъ земельнаго надѣла. Крестьяне непремѣнно приписали бы такой оборотъ дѣла противодѣйствію помѣщиковъ. Кромѣ горячаго сочувствія Ростовцова къ завѣтной мысли Государя, принятый имъ прямой образъ дѣйствій выгодно отличалъ его въ глазахъ Государя отъ нѣкоторыхъ противниковъ реформы изъ числа высшихъ государственныхъ лицъ, которые, и лично и сами, и чрезъ своихъ посланныхъ, старались сбить дворянъ увѣреніями, что ничего не будетъ, стоитъ только не уступать. Это тайное противодѣйствіе было небезъизвѣстно Государю, какъ сейчасъ мы увидимъ. Свѣдѣніе о немъ онъ могъ получить, во время своей поѣздки, и помимо III-го Отдѣленія, которое само отъ всей души работало противъ реформы. Съ осени 1858 г. начинается рѣшительное преобладаніе Ростовцова въ крестьянскомъ дѣлѣ; съ этой же поры окончательно укрѣпилось довѣріе къ нему Государя, неизмѣнявшееся уже до самой кончины Ростовцова. Печатное извлеченіе изъ его писемъ было, по Высочайшему повелѣнію, разослано всѣмъ членамъ Комитета и внесено на его обсужденіе, въ присутствіи самого Государя (18-го Октября 1858 г.). Послѣ бывшихъ по этому предмету сужденій, Государь повелѣлъ принять къ руководству нѣ-

которыя изъ выраженныхъ въ упомянутомъ извлеченіи предположеній, а остальныя — къ соображенію. Въ этомъ же засѣданіи Государь, въ строгихъ словахъ, выразилъ свое неудовольствіе за неблагопріятные для крестьянскаго дѣла слухи, распущенные между дворянствомъ однимъ изъ членовъ Комитета и завѣдывавшимъ его дѣлами, во время ихъ лѣтней поѣздки по губерніямъ. Кромѣ упомянутаго извлеченія изъ писемъ, Ростовцовымъ было составлено нѣсколько другихъ записокъ о предполагаемомъ ходѣ крестьянскаго дѣла и о разныхъ относившихся къ нему частныхъ вопросахъ. Записки эти, назначавшіяся, какъ говорилось обыкновенно въ ихъ заглавіи, для соображеній Главнаго Комитета, немедленно представлялись Государю, и, послѣ его одобренія, разсылались членамъ Комитета и служили главными темами для его сужденій.. На многихъ изъ нихъ Государь дѣлалъ собственноручныя краткія замѣтки. Значеніе и достоинство этихъ записокъ были тѣ же, какъ и упомянутыхъ писемъ изъ-за границы. Въ нихъ Ростовцовъ предусматриваетъ уже необходимость выкупа крестьянскихъ надѣловъ, но неиначе, какъ по добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами и по условленной между ними цѣнѣ, однако съ денежнымъ содѣйствіемъ правительства. По незнакомству съ сельскимъ бытомъ, Ростовцовъ не могъ ясно себѣ представить, какія должны суще-

ствовать отношенія между помѣщикомъ и крестьянами послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. То онъ думалъ сдѣлать помѣщика начальникомъ сельскаго общества, съ правомъ даже удалять изъ него крестьянина, признаваемаго имъ вреднымъ, то возставалъ противъ мнѣнія тѣхъ членовъ Главнаго Комитета, которые хотѣли сохранить за помѣщикомъ вотчинную полицію, что, по словамъ Ростовцова, значило оставить крестьянъ подъ ферулой помѣщика. Вообще во всѣхъ его запискахъ, предшествовавшихъ разъясненію вопроса въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ, замѣчались спутанность понятій, противорѣчія, нерѣдко простодушное увлеченіе благими, но мало практичными пожеланіями; но коренную основу реформы, необходимость для крестьянъ неотъемлемаго полеваго надѣла, онъ усвоилъ себѣ твердо и повторялъ во всѣхъ своихъ запискахъ, хотя и не зналъ, какъ осуществить это начало въ финансовомъ отношеніи. Эти личныя мнѣнія Ростовцова по крестьянскому вопросу достойны упоминанія потому, что параллельно съ ними шло уясненіе вопроса и въ мысляхъ самого Государя.

Съ конца Октября 1858 года стали поступать въ Главный Комитетъ проекты положеній изъ губернскихъ комитетовъ. Первый проектъ былъ представленъ Нижегородскимъ комитетомъ. Они были ожидаемы Главнымъ Комитетомъ и самимъ Государемъ

съ большимъ нетерпѣніемъ: ибо тогда уже чувствовалось, что это дѣло не можетъ быть рѣшено наличными силами одного правительственнаго синклита. По приказанію Ростовцова, были составляемы обозрѣнія важнѣйшихъ предположеній, заключавшихся въ первыхъ полученныхъ въ Петербургѣ проектахъ, и эти обозрѣнія тотчасъ же представлялись Государю. Потомъ, когда поступленіе проектовъ участилось и не было уже возможности по каждому изъ нихъ составлять письменныя обозрѣнія (такъ какъ работа эта, до учрежденія Редакціонныхъ Коммисій, исполнялась однимъ лицомъ), то Ростовцову докладывалось словесно только о выдающихся особенностяхъ тѣхъ или другихъ проектовъ. Государь съ большимъ интересомъ слѣдилъ, по донесеніямъ Ростовцова, за постепеннымъ уясненіемъ крестьянскаго вопроса въ проекахъ губернскихъ комитетовъ; радовался тѣмъ изъ нихъ, которые обнимали вопросъ широко и въ видахъ Государя, каковы напримѣръ были проекты мепьшинства Нижегородскаго, Тульскаго и Самарскаго комитетовъ и проекты Тверской и Харьковскій; напротивъ того, огорчался тѣми проектами, которые понимали вопросъ узко, въ смыслѣ исключительно выгодъ одного сословія. Государь и въ это время, какъ прежде, лично присутствовалъ въ большей части засѣданій Главнаго Комитета, иногда по два раза на недѣлѣ. Послѣ Петровской

реформы, исполненной умомъ и волею одного человѣка, конечно ни одна реформа въ Россіи не совершилась при такомъ близкомъ, сердечномъ участіи самого Государя, какъ упраздненіе крѣпостнаго права.

Во многихъ губернскихъ комитетахъ, при составленіи проектовъ, возникли разногласія, принимавшія иногда характеръ враждебныхъ столкновеній. Главнымъ предметомъ споровъ былъ вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землей и о степени власти, оставляемой помѣщикамъ при новомъ положеніи. Почти во всѣхъ комитетахъ образовались большинство и меньшинство. Въ меньшинствѣ всегда были члены, желавшіе широкихъ уступокъ со стороны помѣщиковъ; большинство же держалось противоположнаго мнѣнія, или допускало надѣленіе крестьянъ землей съ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго и повсемѣстнаго выкупа, при посредствѣ и съ ручательствомъ правительства. Мысль о немедленномъ выкупѣ, какъ средствѣ окончательно раздѣлаться съ обязательнымъ трудомъ, все болѣе и болѣе распространялась въ дворянствѣ. Первое предположеніе о выкупѣ возникло въ Тверскомъ комитетѣ. Сначала Главный Комитетъ рѣшительно противился мысли о немедленномъ и повсемѣстномъ выкупѣ, видя въ этой мѣрѣ противорѣчіе съ провозглашеннымъ въ рескриптахъ сохраненіемъ за помѣщиками права соб-

ственности на землю и пугаясь громадностью финансовой операціи, потребной для совершенія выкупа; но потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, Главный Комитетъ разрѣшилъ и прочимъ губернскимъ комитетамъ, независимо отъ предположеній, основанныхъ на рескриптахъ, представлять особо и предположенія о выкупѣ.

Кромѣ проектовъ губернскихъ комитетовъ, въ Главный Комитетъ и лично Ростовцову представляемо было множество проектовъ отъ частныхъ лицъ, какъ въ это время, такъ и потомъ, когда уже были учреждены Редакціонныя Коммисіи. Всѣхъ частныхъ проектовъ насчитывалось что-то около 330. Читать ихъ всѣ не было никакой возможности; выбирались нѣкоторые, принадлежавшіе болѣе извѣстнымъ лицамъ. Но, какъ кажется, не было ни одного, заслуживавшаго особаго вниманія. Авторы, чувствовавшіе свои силы, печатали свои статьи въ журналахъ.

Въ концѣ 1858 года въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ все вліяніе въ крестьянскомъ дѣлѣ перешло изъ рукъ мнительнаго и осторожнаго Левшина въ руки Н. А. Милютина, который вскорѣ потомъ (въ Апрѣлѣ 1859 г.) занялъ и самый постъ Левшина, хотя только съ названіемъ временно исправляющаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Справочною и подготовительною, вообще канцелярскою частью завѣдывалъ при немъ Со-

ловьевъ, членъ, а въ послѣдствіи управляющій вновь созданнаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ земскаго отдѣла. Милютинъ былъ чиновникъ выдающихся, государственныхъ способностей, вполнѣ человѣкъ почина и борьбы. Къ сожалѣнію, онъ вовсе не зналъ сельскаго быта и имѣлъ невѣрное представленіе о нашемъ дворянствѣ, о которомъ, какъ кажется, судилъ на основаніи имѣвшихся въ министерствѣ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей властью. Между тѣмъ, въ силу того общаго закона, что тѣла и умы высшаго порядка увлекаютъ въ сферу своего притяженія тѣла и умы средняго и низшаго порядка, вліянію Милютина безусловно подчинилась большая часть чиновниковъ, работавшихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ до самаго окончанія занятій Редакціонныхъ Коммисій. Это имѣло какъ свои выгоды, такъ и свои невыгоды, смотря потому, на сколько личные взгляды Милютина были вѣрны и безпристрастны. Впрочемъ и при Милютинѣ всѣ важнѣйшіе циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу составлялись въ Главномъ Комитетѣ.

Въ числѣ полезныхъ силъ, помогавшихъ рѣшенію крестьянскаго вопроса, слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ просвѣщенныхъ и дѣльныхъ статьяхъ, появившихся, съ конца 1857 года, въ Сельскомъ Благоустройствѣ и Русскомъ Вѣстникѣ, и объ одной

статьѣ (Кавелина) въ Современникѣ. Правительство то пропускало безъ вниманія вмѣшательство литературы въ крестьянскій вопросъ, то придиралось къ нѣкоторымъ статьямъ. Умная и умѣренная статья Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ (въ Современникѣ 1858 г.) была представлена Государю, какъ неблагонамѣренная. Вскорѣ послѣ учрежденія Редакціонныхъ Коммисій, въ слѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, предписанныхъ сверху, Сельское Благоустройство должно было прекратиться, а съ Августа 1859 года не появлялось уже и въ Русскомъ Вѣстникѣ статей по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ нѣкоторые изъ писателей, помѣщавшихъ статьи по этому вопросу въ сказанныхъ двухъ журналахъ, далеко опережали Главный Комитетъ въ пониманіи дѣла. Одни изъ нихъ обнаруживали подробное знакомство съ исторіей освобожденія крестьянъ въ западныхъ государствахъ; другіе высказывали весьма вѣрныя сужденія по главнымъ вопросамъ, подлежавшимъ разрѣшенію у насъ въ Россіи. Всѣ лучшія статьи признавали необходимымъ упрочить за крестьянами поземельную собственность посредствомъ выкупа, видя въ немъ единственную развязку натянутыхъ обязательныхъ отношеній между двумя сословіями, послѣ освобожденія одного изъ изъ нихъ изъ-подъ власти другаго *).

*) Замѣчательнѣйшая изъ всѣхъ напечатанныхъ статей принадлежала Юрію Самарину: „Объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи“. Она была помѣщена въ Сельскомъ Благоустройствѣ.

Стѣсненія литературы по крестьянскому вопросу вызваны были двумя побужденіями. Во первыхъ боялись отъ нея вреднаго вліянія на народъ и раздражительнаго дѣйствія на дворянство, въ виду появившихся уже статей въ демократическомъ духѣ и съ оскорбительными для дворянства выраженіями. А такъ какъ подъ сборное понятіе литературы безразлично подводятся и литературные подлецы, пишущіе только для наполненія страницъ срочнаго нумера своего журнала или газеты, и люди, основательно изучившіе тотъ предметъ, о которомъ пишутъ: то цензурныя стѣсненія, имѣвшія въ виду собственно журнальныхъ борзописцевъ, всею своею тяжестью пали именно на статьи, писанныя съ знаніемъ дѣла и содѣйствовавшія уясненію крестьянскаго вопроса. Другимъ побужденіемъ, вызвавшимъ сказанныя стѣсненія, была самолюбивая ревнивость лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ крестьянское дѣло: они не желали, чтобъ слава его рѣшенія была приписываема кому-нибудь другому, кромѣ нихъ. Эта ревнивая зависть къ другимъ есть общая черта нашего чиновнаго міра, какъ консерваторовъ, такъ и либераловъ. Тѣ самые люди, которые безпощадно бичевали въ печати (напр. въ изданныхъ въ Берлинѣ, въ 1860—1862 гг., „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“) виновниковъ сказанныхъ стѣсне-

ній литературы, сами не выносили ни малѣйшихъ замѣчаній на ихъ законодательныя работы, и каждаго, дозволившаго себѣ даже негласное указаніе на ошибки и пропуски въ ихъ трудѣ, считали личнымъ своимъ врагомъ. Нѣкоторые изъ такъ называемыхъ либеральныхъ чиновниковъ, имѣвшіе власть при введеніи Положенія о крестьянахъ, съ умысломъ не дали хода нѣкоторымъ полезнымъ и даже необходимымъ предложеніямъ, потому только, что они шли не отъ ихъ присныхъ, а отъ людей, стоявшихъ въ сторонѣ отъ кристалища карьеристовъ.

VI.

1858-й годъ былъ на исходѣ. Изъ губернскихъ комитетовъ стали уже поступать проекты положеній, по которымъ требовалось заключительное слово правительства; а между тѣмъ въ Главномъ Комитетѣ ровно никакихъ основаній для реформы не было еще выработано. Собирались, спорили объ общихъ мѣстахъ или неважныхъ частностяхъ, говорили иногда другу другу колкости и расходились, не придя ни къ какому положительному заключенію. До какой степени Главный Комитетъ, даже въ концѣ Ноября 1858 года, былъ еще далекъ отъ настоящаго дѣла, видно изъ весьма замѣчательной памятной записки І. П. Ростовцова отъ 24-го Ноября и изъ вопросовъ, обсуждавшихся въ этотъ день въ Главномъ Комитетѣ, въ личномъ присутствіи Государя. Тотъ и другой документъ помѣщены въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Члены Главнаго Комитета препирались въ этотъ день о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ освобожденіемъ крестьянъ, а предложенные имъ вопросы состояли изъ общихъ мѣстъ и не-

важныхъ или преждевременныхъ частностей. Во всѣхъ журналахъ Главнаго Комитета ясно сквозило сознаваемое имъ собственное неумѣнье, какъ взяться за дѣло: потому-то такъ часто повторялась въ нихъ фраза, что губернскимъ комитетамъ предоставляется не стѣсняться циркулярами министра внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ эти циркуляры, составляемые самимъ Главнымъ Комитетомъ, для того именно и издавались, чтобы предотвратить въ губернскихъ проектахъ несогласимыя между собой разнорѣчія.

Изъ первыхъ полученныхъ въ Петербургѣ проектовъ было уже ясно, что, по ихъ чрезвычайной разнохарактерности, нечего было и думать объ отдѣльномъ ихъ разсмотрѣніи и утвержденіи, какъ предполагалось прежде. Не только различные комитеты расходились между собою во взглядахъ, но часто отъ одного и того же комитета присылалось по два проекта, большинства и меньшинства, которые разногласили въ самыхъ существенныхъ вопросахъ. Очевидно было, что губернскіе проекты могутъ только послужить матеріаломъ, и матеріаломъ вполнѣ необходимымъ, для составленія общаго положенія, но самое это положеніе должно быть обдумано и сосоставлено систематически, по одному плану и однѣми и тѣми же руками. Это хорошо понималъ и Главный Комитетъ, равно какъ и то, что ни самъ онъ,

ни выкроенная изъ него четырехчленная коммисія не въ состояніи взять на себя эту обязанность. На кого же долженъ былъ пасть трудъ составленія новаго закона, имѣвшаго въ виду измѣнить кореннымъ образомъ отношенія двухъ главныхъ сословій въ государствѣ? По заведенному порядку, ему предстояло быть возложену на обыкновенную коммисію изъ чиновниковъ, подъ мнимымъ наблюденіемъ Главнаго Комитета и съ вызовомъ, пожалуй, помѣщиковъ, потолько для разговоровъ, безъ прямаго участія въ составленіи закона. Въ перспективѣ представлялись долгіе годы лѣнивой казенной работы, въ продолженіе которыхъ много могло бы утечь воды и перемѣниться взглядовъ. А между тѣмъ Россія все ждала бы и ждала возвѣщеннаго преобразованія.

Силою самихъ обстоятельствъ, въ предпріимчивомъ умѣ Ростовцова родилась мысль, пользуясь чрезвычайнымъ къ нему расположеніемъ Государя, сосредоточить все дѣло въ своихъ рукахъ и двинуть его впередъ энергически и быстро, привлекши къ его рѣшенію самихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ къ реформѣ. Планъ до того былъ смѣлый, что могъ быть проведенъ только окольнымъ путемъ: слѣдовало захватить Главный Комитетъ врасплохъ, не давъ ему времени поднять на ноги всѣхъ тѣхъ, которымъ могло быть нестерпимо такое небывалое сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ. Ро-

стовцовъ показалъ въ эту рѣшительную минуту большой практическій тактъ. Въ четырехчленной коммисіи Главнаго Комитета, душою которой былъ самъ Ростовцовъ, составленъ былъ планъ устройства Редакціонныхъ Коммисій для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ и для начертанія общаго Положенія о крестьянахъ. Эти Редакціонныя Коммисіи предполагалось составить изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, съ прибавленіемъ экспертовъ, избранныхъ предсѣдателемъ Коммисій. Предсѣдателемъ же Коммисій предполагалось назначить исправлявшаго должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, д. ст. с. Жуковскаго, который считался завѣдующимъ дѣлопроизводствомъ въ четырехчленной коммисіи. Планъ былъ самый безобидный, низводившій проектируемыя Редакціонныя Коммисіи въ рангъ обычныхъ петербургскихъ законадательныхъ коммисій, безъ всякой самостоятельности и почина, за что ручалась самая личность предположеннаго предсѣдателя Коммисій, скромнаго чиновника Государственной Канцеляріи, бывшаго подъ командой государственнаго секретаря Буткова. Самое названіе: «Редакціонныя Коммисіи», давало разумѣть, что ихъ дѣло будетъ состоять только въ простой кодификаціи Положенія, на преподанныхъ имъ отъ Главнаго Комитета основаніяхъ. Этотъ планъ учрежденія Редакціонныхъ Коммисій былъ представленъ

на утвержденіе Государя четырехчленною коммисіей (помимо Главнаго Комитета), при журналѣ ся отъ 4 Февраля 1859 года. Государь Императоръ написалъ на этомъ журналѣ такую резолюцію: «*Исполнить, но съ тѣмъ, чтобы председательство въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ было поручено генералъ-адъютанту Ростовцову, если онъ согласится принять эту обязанность на себя*»; а затѣмъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Орловъ, въ письмѣ къ Ростовцову отъ 17-го Февраля, увѣдомилъ его, что Государь Императоръ соизволилъ повелѣть: «*Председателю Редакціонныхъ Коммисій предоставить право дать симъ Коммисіямъ внутреннее устройство и образованіе по его ближайшему усмотрѣнію, соотвѣтственно пользѣ и важности порученнаго Коммисіямъ дѣла, и указать всѣ способы, необходимые для успѣха дѣйствій Коммисій*».

Этими двумя фразами: о назначеніи председателемъ Коммисій Ростовцова и объ объемѣ предоставляемой ему власти, весь дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла нежданно получалъ совершенно другой видъ, чѣмъ предполагалось въ журналѣ четырехчленной коммисіи: съ обычной бюрократической дороги это дѣло вступало на путь, хотя еще неясный для правительственнаго синклита, но уже сложившійся въ мысляхъ того человѣка, которому ввѣрялась судьба этого дѣла. Это былъ путь непосредственнаго

участія самихъ помѣщиковъ, чрезъ избранныхъ изъ ихъ среды лицъ, въ составленіи Положенія о крестьянахъ. Ростовцовъ мечталъ даже о призывѣ въ Редакціонныя Коммисіи нѣсколькихъ разумныхъ крестьянъ, для того, чтобъ они по всѣмъ статьямъ, непосредственно касающимся до крестьянства, давали отвѣты на два вопроса: понятно ли? удобоисполнимо ли? *).

Учрежденіе Редакціонныхъ Коммисій, съ Ростовцовымъ во главѣ, было, послѣ Высочайшихъ рескриптовъ, вторымъ важнѣйшимъ моментомъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла. Такимъ образомъ самое безсиліе Главнаго Комитета обратилось въ пользу этому дѣлу: ибо, при лучшемъ составѣ и болѣе плодотворной дѣятельности этого верховнаго правительственнаго учрежденія, оно никогда не выпустило бы крестьянскаго дѣла изъ своихъ рукъ. Точно также послужилъ на пользу этому дѣлу и вызовъ польскихъ помѣщиковъ трехъ Сѣверо-западныхъ губерній дать личную свободу своимъ крестьянамъ, хотя вызовъ этотъ далеко не имѣлъ цѣлью благо русскихъ крестянъ, а былъ вынужденъ опасеніемъ, чтобъ улучшеніе ихъ быта не совершилось руками русскаго

*) Нѣкоторымъ членамъ Редакціонныхъ Коммисій изъ чиновниковъ, по привычкѣ ихъ къ канцелярской рутинѣ и упорности, эта мысль Ростовцова казалась чѣмъ-то весьма наивнымъ.

правительства и на началахъ гораздо болѣе невыгодныхъ для помѣщиковъ, чѣмъ одно личное увольненіе безъ земли. Польскіе помѣщики, мѣняя инвентари на личное освобожденіе безъ земли, хотѣли и выиграть въ матеріальномъ отношеніи, и не дать крестьянамъ перейти на сторону правительства. Поистинѣ, неисповѣдимые пути Божьяго Промысла! Онъ толкалъ крестьянское дѣло впередъ руками самихъ его противниковъ, и помогалъ ему дѣлать рѣшительные прыжки именно тамъ, гдѣ были разставлены ему преграды и западни.

Бесѣды Государя съ Ростовцовымъ, предшествовавшія достопамятной Высочайшей резолюціи на журналѣ 4-го февраля 1859 года, остались никому неизвѣстны: но, по всему ходу этого дѣла, люди, вблизи его стоявшіе, могли догадываться, что неожиданный оборотъ его былъ предварительно условленъ между Государемъ и Ростовцовымъ. На это указываютъ и послѣднія слова резолюціи: «если онъ согласится принять эту обязанность на себя». Они, какъ можно догадываться, добавлены Государемъ для придапія вида, будто Ростовцовъ былъ непричастенъ такому неожиданному рѣшенію. По добротѣ своего сердца, Государь повидимому хотѣлъ этою оговоркой прикрыть своего вѣрнаго слугу отъ обвиненій его завистниковъ въ захватѣ власти. Въ согласіи же Ростовцова и даже въ его пламенномъ

желаніи взять на себя это славное дѣло у Государя не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Съ учрежденія Редакціонныхъ Коммисій, крестьянское дѣло изъ тѣсныхъ извилинъ выплыло на просторъ. Члены Коммисій, подъ охраной своего предсѣдателя, могли совѣщаться и работать спокойно и съ легкимъ сердцемъ, ни откуда не встрѣчая помѣхи. Чрезвычайное довѣріе, какимъ въ это время пользовался у Государя Ростовцовъ, дало ему возможность поставить Коммисіи въ полнѣйшую независимость отъ Главнаго Комитета и отъ всѣхъ другихъ инстанцій. Коммисіи жили своею внутреннею жизнію, получая направленіе отъ своего лишь предсѣдателя; а онъ давалъ отчетъ въ дѣйствіяхъ Коммисій одному только Государю. Главный Комитетъ существовалъ съ этихъ поръ только по имени, не проявляя ни малѣйшей дѣятельности. Дѣло, дотолѣ для всѣхъ неясное, стало мало-по-малу уясняться членамъ Редакціонныхъ Коммисій изъ ихъ общихъ совѣщаній, изъ разбора проектовъ губерпскихъ комитетовъ, а въ послѣдствіи — и изъ прѣній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ. Работа совершенствовалась на ходу, общими силами. Канцелярскія формальности, мертвящія у насъ всякое дѣло, были устранены изъ Коммисій. Имъ не было дано никакихъ инструкцій, никакого плана работъ и предрѣшенныхъ тезисовъ: все было

предоставлено внутреннему, самостоятельному развитію дѣла. Среди самыхъ прѣній и работъ возникали новые вопросы, уяснялась система цѣлаго труда и исправлялись сдѣланныя ошибки. Однимъ словомъ, Коммисіи начали съ изученія вопроса и постепенно облекали его рѣшеніе въ правильныя законодательныя формы, указываемыя сущностью дѣла, а не пригоняли сущности въ предуставленной напередъ формѣ. Личный составъ Коммисій и установившіеся въ ней порядки были чѣмъ-то новымъ, давно уже невиданнымъ въ Россіи: отставной прапорщикъ и коллежскій секретарь сидѣли рядомъ съ чиновниками высшаго ранга, управлявшими важными частями администраціи. Ростовцовъ скоро усвоилъ себѣ многосложные и мало ему дотолѣ знакомые вопросы крестьянскаго быта и поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, и руководилъ прѣніями и работами Коммисій съ большимъ умѣньемъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что финансовое отдѣленіе Коммисій, разработывавшее подробности выкупной операціи, работало отдѣльно отъ другихъ отдѣловъ Коммисій и внѣ всякаго вліянія Ростовцова, который сознавалъ себя совершенно непосвященнымъ въ финансовые вопросы. Все время Ростовцова было теперь исключительно посвящено занятіямъ по крестьянскому дѣлу. Завѣдываніе военно-учебными заведеніями было, съ

Высочайшаго разрѣшенія, передано имъ своему помощнику, генералъ-адъютанту Путятѣ. Почти ежедневно диктовалъ онъ предложенія Редакціоннымъ Коммисіямъ, либо замѣтки на ихъ работы, либо отчетныя записки о ходѣ ихъ занятій, представлявшіяся имъ Государю. Всѣ такія записки, по его обыкновенію, по многу разъ исправлялись и переписывались. Ростовцовъ, съ его живымъ, увлекающимся характеромъ, съ его энергическою и образною рѣчью, вносилъ въ работы Коммисій одушевленіе, которое искренне раздѣляли съ нимъ и многіе члены; а извѣстно, что во всѣхъ великихъ реформахъ, двигавшихъ впередъ человѣчество, одушевленіе составляло главную, а иногда и единственную силу реформаторовъ, ибо всѣ другія силы начаще были на сторонѣ защитниковъ стараго порядка. Если одушевленіе новыми творческими идеями почти всегда сопровождается неизбѣжными увлеченіями и крайностями, то исправлять эти излишества реформаторовъ есть прямая обязанность послѣдующихъ дѣятелей, которые не участвовали ни въ одушевленіи, ни въ трудахъ первыхъ исполнителей реформъ. Таковъ общій порядокъ природы, какъ вещественной, такъ и духовной: вешнія воды никогда не проходятъ безъ того, чтобъ силой своего стремленія не надѣлать тамъ и сямъ какихъ-нибудь изъяновъ; но онѣ же приносятъ съ собой новую,

зеленѣющую жизнь на омертвѣлую отъ зимняго хлада землю. Разумные и дѣятельные люди спѣшатъ исправить изъяны, причиненные весенними водами, но благословляютъ живительныя силы весны, обновившія землю новыми дарами. Ростовцовъ охранялъ Коммисіи не только отъ посторонннхъ вмѣшательствъ, но и отъ внутреннихъ распрей, которыя иногда возникали тамъ въ слѣдствіе рѣзкаго различія мнѣній. Если онѣ не приняли размѣровъ опасныхъ для независимости Коммисій и для успѣха порученнаго имъ дѣла, то этимъ Коммисіи одинственно были обязаны примирительному образу дѣйствій ихъ предсѣдателя и его авторитету, предъ которымъ должны были склоняться всѣ члены. Впрочемъ онъ пользовался своимъ авторитетомъ только для устраненія вредныхъ распрей изъ среди Коммисій, но ни мало не стѣснялъ независимости мнѣній. Онъ даже сдѣлалъ надъ собой побѣду: съ терпѣніемъ выслушивалъ иногда рѣзкія возраженія своимъ мнѣніямъ отъ нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ дѣльныхъ членовъ, къ чему онъ не былъ пріученъ своею предшествовавшею службой. Въ своихъ отношеніяхъ къ членамъ Ростовцовъ обнаруживалъ полное безпристрастіе. Нѣкоторые члены, противъ которыхъ онъ имѣлъ сначала предубѣжденіе, потомъ пользовались особымъ его уваженіемъ, потому что онъ видѣлъ въ нихъ выдающіяся способности или отличное знаніе

условій сельскаго быта. Напротивъ того, онъ не задумался удалить изъ Коммисій единственнаго члена, который не только былъ его давнишнимъ знакомымъ, но состоялъ съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Онъ удалилъ его потому, что членъ этотъ сдѣлался причиною внутренняго разлада въ Коммисіяхъ и даже старался вредить имъ на сторонѣ. (Этотъ характеристическій эпизодъ въ исторіи Редакціонныхъ Коммисій описанъ самимъ Ростовцовымъ въ памятной запискѣ, напечатанной въ приложеніи къ этой книжкѣ). Автономія, которою пользовались Редакціонныя Коммисіи въ слѣдствіе исключительнаго положенія ихъ предсѣдателя, имѣла огромное значеніе для всего порученнаго имъ дѣла: она была главною причиною того, что вся работа Коммисій совершалась свободно и правильно, не подвергаясь никакому давленію со стороны. А такихъ давленій въ крестьянскомъ дѣлѣ было въ то время наготовѣ весьма много и весьма сильныхъ. Этой же автономіи обязаны Коммисіи еще тѣмъ, что и по смерти Ростовцова, когда между новымъ предсѣдателемъ и членами не было уже прежняго согласія и взаимнаго довѣрія, работы Коммисій не разстроились, но продолжали двигаться впередъ силой внутренняго развитія.

Члены Коммисій изъ петербургскихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, были

опытнѣе прочихъ въ законодательной кодификаціи; члены же, призванные изъ губерній, или такъ-называвшіеся эксперты, лучше знали существо дѣла, то-есть условія крестьянскаго быта и поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Нѣкоторые же изъ экспертовъ, по уму, образованности и сочувствію къ дѣлу освобожденія, вполнѣ стояли въ уровень съ задачею, въ рѣшеніи которой выпалъ имъ жребій участвовать. Конечно, дѣло направлялось меньшинствомъ, какъ бываетъ во всѣхъ коммисіяхъ, даже не столь многочисленныхъ по составу; остальные члены были рядовыми работниками, составившими, болѣе или менѣе удачно, порученныя имъ части общей работы. Было нѣсколько и такихъ, которые не принесли дѣлу ровно никакой пользы, хотя имена ихъ, до самаго закрытія Коммисій, значились на ея журналахъ.

Члены же Редакціонныхъ Коммисій изъ польскихъ помѣщиковъ Сѣверо-западнаго края, пользуясь незнакомствомъ прочихъ членовъ съ особенностями поземельнаго устройства крестьянъ въ томъ краѣ, успѣли направить мѣстное Положеніе этихъ губерній исключительно къ выгодѣ помѣщиковъ, и не только не исправили, но еще усилили фальшивыя данныя, заключавшіяся въ проектахъ губернскихъ комитетовъ Сѣверо-западнаго края. Чтобы читатель могъ оцѣнить всю шаткость основаній, на которыхъ

было составлено Положеніе для губерній Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской и части Витебской, достаточно сказать, что этимъ Положеніемъ признавалось за крестьянами не то количество земли, которое значилось за ними по инвентарямъ, а лишь то, которое окажется у нихъ при введеніи уставныхъ грамотъ, по изчисленію мировыхъ учрежденій и помѣщиковъ. Съ другой стороны, крестьянскія повинности, которыя для всѣхъ прочихъ губерній имперіи были опредѣлены положительными цифрами, для однѣхъ Сѣверо-западныхъ губерній не были подчинены никакому точному опредѣленію, а вмѣсто того мѣстное Положеніе узаконяло существовавшія тамъ инвентарныя повинности, съ нѣкоторымъ только въ нихъ облегченіемъ, при чемъ какъ изчисленіе этихъ повинностей, такъ и скидка съ нихъ указанной доли были опять-таки предоставлены самимъ помѣщикамъ, купно съ мировыми посредниками. Итакъ въ одномъ случаѣ Положеніе отмѣняло инвентари, то-есть признавало всѣ отрѣзки отъ крестьянскихъ земель и полное ихъ отобраніе, произведенныя въ огромныхъ размѣрахъ польскими помѣщиками со времени составленія инвентарей и до самаго введенія уставныхъ грамотъ; въ другомъ же случаѣ Положеніе узаконяло чрезмѣрныя повинности, наложенныя на крестьянъ тѣми же самыми инвентарями. Правда, въ четырехъ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ Положеніе сдѣлало

одно ограниченіе для оброковъ, именно оно требовало, чтобы инвентарный оброкъ, за сдѣланною въ немъ скидкой, не превышалъ 3 рублей съ десятины надѣла; но такое ограниченіе было похоже на насмѣшку. Въ такихъ злосчастныхъ губерніяхъ, какъ Минская, съ ея болотами и лѣсами, Гродненская, съ ея зыбучими песками, и большая часть Виленской, трехрублевый оброкъ съ десятины представлялъ полную невозможность. Если онъ и существовалъ прежде въ какихъ-нибудь имѣніяхъ этихъ губерній, бывшихъ почти исключительно на барщинномъ положеніи, то это можетъ быть объяснено только тою жестокостью крѣпостнаго права, которою съ давнихъ поръ отличались польскіе помѣщики. Въ самыхъ плодороднѣйшихъ уѣздахъ черноземной полосы внутренней Россіи высшій оброкъ, установленный Положеніемъ, не превышаетъ 3 руб. 27 к. съ десятины. Замѣчательно, что въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ и этотъ непомѣрный трехрублевый оброкъ могъ быть, на основаніи Положенія, еще болѣе возвышенъ губернскимъ присутствіемъ, по требованію помѣщика. При введеніи Положенія въ этомъ краѣ, польскіе помѣщики и ихъ пособники — мировые посредники изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ, какъ нельзя шире воспользовались тѣмъ просторомъ, который былъ заготовленъ мѣстнымъ Положеніемъ для ихъ злоупотребленій. Надѣлы кре-

стьянскіе были обобраны и обрѣзаны, неудобныя земли показаны въ числѣ удобныхъ, повинности исчислены фальшиво и въ большей части имѣній доведены до предѣльной цифры 3 рублей за десятину. Обо всемъ этомъ имѣются многочисленныя свѣдѣнія въ управленіи Виленскаго генералъ губернатора и въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. По донесеніямъ мѣстныхъ властей, послѣ реформы положеніе тамошнихъ крестьянъ не только не улучшилось, но во множествѣ имѣній даже ухудшилось сравнительно съ крѣпостнымъ состояніемъ.

Ростовцовъ, къ сожалѣнію, имѣлъ невѣрное представленіе о польскомъ дворянствѣ западныхъ губерній. Онъ воображалъ, что предупредительностью и уступками ихъ желаніямъ можно сдѣлать изъ нихъ вѣрныхъ поддаппыхъ Русскаго Царя. Небезъизвѣстно, что этому мнѣнію долго былъ причастенъ и самъ въ Бозѣ почившій Государь, пока вооруженное посягательство польскихъ дворянъ на цѣлость Россіи, именно въ слѣдствіе далеко зашедшихъ уступокъ польскимъ притязаніямъ, не открыло Государю истины. Вѣроятно Ростовцовъ, изъ предупредительности къ польскимъ дворянамъ, не желалъ, при вызовѣ членовъ въ Редакціонныя Коммиссіи, поискать между помѣщиками Сѣверо-западнаго края людей русскаго происхожденія и сочувствовавшихъ дѣлу освобожденія. Впрочемъ и самая цѣль

вызова, сдѣланнаго польскими помѣщиками, еще не была тогда никѣмъ проникнута, и многіе видѣли въ нихъ передовыхъ людей, представителей высшей культуры, опередившихъ русское дворянство въ идеяхъ гражданской свободы и гуманности.

Труды Редакціонныхъ Коммиссій составляютъ уже второй періодъ въ исторіи крестьянскаго дѣла и не входятъ въ настоящее обозрѣніе, имѣющее предметомъ лишь первый періодъ этого дѣла. Здѣсь казалосьтолько умѣстнымъ сохранить для будущаго историка нѣкоторыя черты внутреннихъ порядковъ въ Коммиссіяхъ и царствовавшаго въ нихъ духа. Работы ихъ были напечатаны во всей подробности еще до внесенія ихъ проекта на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и самое Положеніе 19-го Февраля 1861 г. есть исключительно трудъ Редакціонныхъ Коммиссій, съ весьма лишь незначительными измѣненіями и добавленіями, сдѣланными въ Государственномъ Совѣтѣ. Достоинства и недостатки этого огромнаго труда теперь уже достаточно обнаружены опытомъ, хотя и нигдѣ еще не оцѣнены подробно и въ систематическомъ изложеніи. Впрочемъ практическія послѣдствія Положенія 19-го Февраля во многомъ зависѣли отъ послѣдующей дѣятельности законодательства. Первый виновникъ и главный двигатель реформы, императоръ Александръ, такъ отозвался о трудахъ Редакціонныхъ Коммиссій въ досто-

памятномъ соединенномъ засѣданіи Совѣта Министровъ и членовъ Главнаго Комитета 26-го Января 1861 года, состоявшемся за два дня передъ общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта, на которомъ въ первый разъ былъ разсматриваемъ проектъ Редакціонныхъ Коммисій: „На Редакціонныя Коммисіи, сказалъ Государь, сильно нападали, по большею частію совершенно несправедливо и болѣе потому, что не знали дѣла; но трудъ ихъ исполненъ съ полною добросовѣстностью и большимъ знаніемъ дѣла“ *). Эти слова Государя навсегда останутся самою безпристрастною и самою вѣрною оцѣнкой трудовъ Редакціонныхъ Коммисій.

Такъ какъ настоящая памятная записка начата была описаніемъ колебаній и недоумѣній Государя при первыхъ шагахъ предпринятаго имъ великаго дѣла, то, для полноты очертанія образа незабвеннаго Монарха, слѣдуетъ привести здѣсь свидѣтельство о томъ, съ какой рѣшительной твердостью дѣйствовалъ онъ при концѣ этого дѣла. Въ томъ же соединенномъ засѣданіи 26-го Января 1861 года Государь весьма рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что хотя

*) Эти слова Государя приведены въ „Матеріалахъ“, изданныхъ въ Берлинѣ (часть III, стр. 156), въ составленіи которыхъ участвовали между прочимъ лица, имѣвшія возможность быть очевидными свидѣтелями упоминаемаго засѣданія.

при предстоящемъ разсмотрѣніи проекта Редакціонныхъ Коммисій въ Государственномъ Совѣтѣ онъ допускаетъ для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, но затѣмъ онъ не дозволитъ уже никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и требуетъ, чтобъ дѣло было кончено непремѣнно къ пятнадцатому Февраля. Государь заключилъ словами: „Этого я желаю, требую, повелѣваю“, словами, сказанными почти съ угрозою. Потомъ, обращаясь преимущественно къ министрамъ, Государь сказалъ, „что доселѣ они между собою враждовали по крестьянскому вопросу, и нѣкоторые изъ нихъ даже противились его видамъ, что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда его воля будетъ окончательно выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго между собою согласія, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденнаго имъ Положенія: ибо, прибавилъ Государь, вы должны помнить,что въ Россіи законы издаетъ самодержавная власть“. Министры говорили потомъ, что они никогда не видали Государя съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и тонѣ рѣчи *).

О. Еленевъ.

Мартъ 1886 г. Царское Село.

*) „Матеріалы“, изданные въ Берлинѣ, часть III, стр. 156—157 и 158.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Тотчасъ послѣ смерти І. И. Ростовцова кабинетъ его былъ запечатанъ, по повелѣнію Государя Императора, присутствовавшаго при послѣднихъ минутахъ почившаго. Всѣ находившіяся въ кабинетѣ бумаги были потомъ, по Высочайшей волѣ, переданы частію въ архивы Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, частію въ Штабъ военно-учебныхъ заведеній, по принадлежности. Только всеподданнѣйшія письма Ростовцова по крестьянскому дѣлу, обыкновенно возвращавшіяся ему Государемъ съ собственноручными отвѣтами Его Величества на поляхъ, были, съ Высочайшаго разрѣшенія, переданы семейству Іакова Ивановича, согласно съ его предсмертнымъ желаніемъ, доведеннымъ до свѣдѣнія Государя уже по кончинѣ Ростовцова. Одно изъ этихъ писемъ, съ отвѣтомъ Его Величества, было напечатано въ интереснѣйшей статьѣ сенатора Н. Семенова: „Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова“, въ № 2-мъ Русскаго Вѣстника 1866 года. Кромѣ того случайно сохранились у близкихъ къ Ростовцову людей нѣкоторыя, весьма впрочемъ немногія черновыя его записки и письма по крестьянскому дѣлу, въ томъ числѣ и тѣ, которыя здѣсь печатаются, какъ имѣющія прямое соотношеніе съ предметомъ предыдущихъ воспоминаній. Документы эти печатаются съ дозволенія супруги покойнаго Іакова Ивановича, графини Вѣры Николаевны Ростовцовой. Въ поясненіе двухъ печатаемыхъ здѣсь памятныхъ записокъ, слѣдуетъ сказать, что въ эпоху крестьянскаго вопроса, по приказанію Іакова Ивановича, для него было составлено нѣсколько краткихъ

памятныхъ записокъ, частью подъ его диктовку, частью по его разсказамъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе передавать за обѣдомъ, когда не было постороннихъ лицъ и въ самый день описываемаго случая. Объ печатаемыя здѣсь записки составлены подъ диктовку Іакова Ивановича. Бѣловые ихъ экземпляры должны находиться въ числѣ его бумагъ, переданныхъ въ архивъ Государственнаго Совѣта.

Ѳ. Е.

I.

Памятная записка І. И. Ростовцова 24 Ноября 1858 г.

Засѣданіе Крестьянскаго Комитета 24-го Ноября 1858 года, въ Высочайшемъ присутствіи, продолжалось съ 7½ до 11¼ часовъ вечера. Успѣли пройти послѣдующіе пять вопросовъ, до 10-го включительно.

Засѣданіе было также чрезвычайно бурное. Графъ Панинъ по преимуществу, а за нимъ князь Гагаринъ опровергали все, и опровергали софизмами. Однако удалось не дать поколебать ни одного принципа, и всѣ рѣшенія были, такъ сказать, палліативныя, то-есть разрѣшающія возобновить обо всѣхъ этихъ предметахъ сужденіе.

Всѣ вопросы безъ исключенія поддерживали графъ Блудовъ рѣчами и Сергѣй Степановичъ Ланской звуками и жестами. Князь Орловъ и Княжевичъ молчали. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ то опровергалъ, то соглашался.

Это засѣданіе было до чрезвычайности странно.

Два члена, графъ Адлербергъ и князь Долгоруковъ, опять возставали на рѣшеніе Государя даровать помѣщичьимъ крестьянамъ права сельскихъ свободныхъ сословій.

Два члена, графъ Панинъ и князь Гагаринъ, изъявляли сомнѣніе, можно ли крестьянина освободить отъ личныхъ распоряженій помѣщика.

Одинъ членъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, настаивалъ, чтобъ міръ не имѣлъ власти самостоятельной и чтобъ внутренняя расправа его была подчинена вліянію правительственной полиціи.

Одинъ членъ, Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ, убѣждалъ, что правительство, въ избѣжаніе финансовой революціи, не должно вмѣшиваться своими пособіями въ выкупъ крестьянами поземельной собственности *).

Если бы всѣ означенныя мнѣнія приняты и соединить въ одно положеніе, то-есть: не даровать крестьянамъ правъ сельскихъ свободныхъ обывателей, оставить ихъ подъ ферулой помѣщика, мірскую внутреннюю расправу предоставить чиновникамъ, отнять у крестьянъ надежду на выкупъ земли, и сверхъ того заставить крестьянина платить ежегодные проценты за усадьбу, въ которой и и онъ, и его дѣды жили даромъ, въ чемъ же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, было бы, не говорю уже освобожденіе крестьянъ, а улучшеніе ихъ быта? При этихъ условіяхъ можно ли было зачинать это громадное дѣло? Слава Богу и счастье Россіи, что Государь несравненно глубже и разностороннѣе постигаетъ этотъ вопросъ, чѣмъ его совѣтники. Безъ этого Россія пропала бы.

---

*) Въ этой запискѣ не упомянается имени Великаго Князя Константина Николаевича потому, что въ это время Его Императорское Высочество находился въ заграничномъ путешествіи.

II.

Вопросы по крестьянскому дѣлу.

(Составлены І. И. Ростовцовымъ и разсматривались въ засѣданіи Главнаго Комитета 24-го Ноября 1858 г.)

1) При обнародованіи губернскихъ положеній предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя, по имуществу и по праву жалобы.

2) Крестьяне составляютъ (послѣ обнародованія положеній) самостоятельное сословіе въ государствѣ.

3) Никакое сословіе въ государствѣ другому сословію подчинено быть не можетъ.

4) Какъ устроить бытъ крестьянъ, міромъ или отдѣльными семействами?

5) Вся домашняя власть надъ личностью крестьянина и надъ его хозяйственнымъ бытомъ сосредоточивается въ мірѣ и въ его избранныхъ.

6) Міръ дѣйствуетъ посредствомъ властей: совѣщательной, судебной и исполнительной.

7) Міръ отвѣчаетъ круговою порукой за каждаго изъ своихъ членовъ по отправленію повинностей казенныхъ и помѣщичьихъ.

8) Помѣщикъ имѣетъ дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей.

9) Дать возможные способы крестьянамъ, посредствомъ займовъ съ гарантіей правительства, для выкупа земель.

10) Полная свобода для крестьянъ, по мѣрѣ какъ они будутъ дѣлаться постепенно поземельными собственниками.

11) Постановленіе (при обнародованіи положеній), чтобы лица, не имѣющія права владѣть населенными имѣніями, при покупкѣ ими таковыхъ имѣній, отдѣляли немедлено усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья крестьянамъ, за выкупъ, по полюбовному съ ними соглашенію.

12) То же самое предоставить дѣлать, буде пожелаютъ, и самимъ помѣщикамъ.

13) Не слѣдуетъ ли правительству оказать нѣкоторое пособіе одподворцамъ и мелкопомѣстнымъ бѣднымъ дворянамъ, а равно и для устройства людей дворовыхъ, въ томъ соображеніи, что дворяне-помѣщики теряютъ при освобожденіи крестьянъ обязательныя рабочія силы?

14) По тѣмъ же соображеніямъ, оказать помѣщикамъ возможныя льготы отъ Опекунскихъ Совѣтовъ касательно имѣній ихъ, состоящихъ въ залогѣ.

III.

Всеподданнѣйшее письмо І. И. Ростовцова, сопровождавшее представленіе Государю Императору вышеизложенныхъ вопросовъ.

По Высочайшему повелѣнію, вчера мнѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ объявленному, имѣю счастіе представить при семъ рядъ вопросовъ объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ

Я избралъ только вопросы необходимѣйшіе и потому простѣйшіе. Многіе вопросы, заключающіеся въ „Извлеченіи“ *), я не помѣстилъ здѣсь съ умысломъ: всѣ они истекаютъ изъ вопросовъ основныхъ и будутъ рѣшены легко, на основаніи этихъ главнѣйшихъ вопросовъ.

Если бы ихъ предложить къ обсужденію теперь, то чрезвычайно усложнилось бы разрѣшеніе вопросовъ главныхъ и работа наша весьма бы отъ этого замедлилась.

Какимъ средствомъ осуществить главные вопросы, Вашимъ Величествомъ утвержденные и постановленные, я полагаю полезнѣйшимъ сдѣлать предметомъ особыхъ, послѣдующихъ обсужденій.

---

*) Т.-е. въ „Извлеченіи“ изъ писемъ, писанныхъ Государю Ростовцовымъ изъ-за границы.

Если Ваше Величество соизволите признать нужнымъ, то или кто-нибудь, или коммисія *) будетъ приготовлять второстепенные вопросы въ послѣдствіи, въ развитіе каждаго основнаго вопроса, и такимъ образомъ дѣло наше получитъ постепенный систематическій ходъ и будетъ двигаться не впопыхахъ.

Въ этихъ видахъ я осмѣлился признать полезнымъ не упоминать теперь ни слова о преобразованіи мѣстныхъ властей. Это составитъ отдѣльную часть основныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что членамъ надобно еще дать время обсудить всѣ свѣдѣнія, составленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ отзывовъ губернскихъ. Я полагаю, что къ этому можно будетъ приступить недѣли черезъ двѣ.

Въ засѣданіи, которое Вашему Величеству угодно будетъ назначить для постановленія вышеизложенныхъ основныхъ вопросовъ. намъ не будетъ надобности обсуждать, какъ вопросы эти развивать, но только нужно будетъ рѣшить ихъ необходимость.

Имѣю счастіе ожидать дальнѣйшихъ повелѣній Вашихъ, чтобы окончательно изложить представленное при семъ въ проектѣ оглавленіе означенныхъ вопросовъ и повергнуть оное Вашему Величеству уже окончательно обработанное, что я надѣюсь исполнить черезъ день или черезъ два.

(Письмо это писано во второй половинѣ Ноября 1858 г.).

---

*) То-есть четырехчленная коммисія, выдѣленная изъ Главнаго Комитета.

IV.

Памятная записка І. И. Ростовцова о размолвкѣ съ М. П. Позеномъ.

М. П. Позенъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 21-го Сентября (1859 г.), объясняетъ обстоятельства второстепенныя, и письмо его служитъ только обвиненіемъ мнѣ въ моихъ дѣйствіяхъ. Обвиненія эти несправедливы, и я разберу ихъ потомъ.

Но главныхъ причинъ охлажденія моего къ нему онъ не излагаетъ, хотя и знаетъ ихъ подробно.

Для меня убѣжденія всѣ святы, если онѣ суть дѣйствительно убѣжденія, и никакія убѣжденія разнорѣчивыя не измѣнили бы моихъ отношеній къ Михаилу Павловичу. Причины же охлажденія моего къ нему слѣдующія.

Я просилъ Государя вызвать его въ Петербургъ и назначить членомъ Редакціонныхъ Коммисій. Я ожидалъ пріѣзда его съ нетерпѣніемъ, зная его умъ, опытность, и находясь двадцать лѣтъ въ самыхъ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Я пріѣзда его ожидалъ съ нетерпѣніемъ и надѣялся въ его дѣйствіяхъ и совѣтахъ найти себѣ иногда успокоеніе въ ежеминутныхъ треволненіяхъ, производимыхъ во мнѣ ходомъ святаго вопроса. Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ. Дѣйствія его были слѣдующія.

Съ самаго начала онъ началъ мнѣ представлять мно-

гихъ членовъ Редакціонныхъ Коммисій въ черномъ видѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ называлъ онъ красными, желавшими гибели Россіи; а нѣкоторыхъ членовъ собственно финансовой Коммисіи кабинетными книжками, не понимающими практически финансовъ и неспособными для ихъ призванія... Потомъ началъ опровергать всю систему предпринятыхъ работъ, доказывая между прочимъ, что слѣдуетъ отмѣнить печатаніе журналовъ и докладовъ, равно какъ и разборъ положеній губернскихъ комитетовъ, что всю работу слѣдуетъ Коммисіямъ произвести à priori, и просто, безъ всякихъ доводовъ, представить правительству готовый проектъ Положенія.

Не стану подробно говорить, что бы произошло, если бы я подобные совѣты принялъ.

Когда Михаилъ Павловичъ увидалъ, что я безусловно, такъ сказать, рабски не принимаю его совѣтовъ, дѣйствія его относительно меня измѣнились. Дотолѣ онъ меня вездѣ хвалилъ, даже и работы мои и направленіе восхвалялъ Государю и шефу жандармовъ; но съ этой минуты, кажется, послѣ третьяго засѣданія Редакціонныхъ Коммисій, въ которомъ онъ присутствовалъ, Государь началъ мнѣ говорить о разныхъ доводимыхъ до него офиціальнымъ путемъ обо мнѣ слухахъ: что я въ Коммисіяхъ дѣйствую деспотически, не дозволяю никому говорить; потомъ, что я подчинился демагогамъ; потомъ, что всѣ труды Коммисій приняли чисто анархическое направленіе На всѣ мои отвѣты Государю, что это вѣроятно одни только слухи и сплетни, Его Величество мнѣ всегда отвѣчалъ: „Все это доведено до моего свѣдѣнія официально и все это говоритъ объ васъ другъ вашъ Позенъ“.

Въ промежуткѣ этихъ, дѣлавшихся мнѣ извѣстными упрековъ, М П. Позенъ подалъ какую-то записку, безъ

моего вѣдома, шефу жандармовъ, по разнорѣчію графа Шувалова и князя Паскевича съ Редакціонными Коммисіями *) Между тѣмъ въ сужденіяхъ по этому дѣлу онъ отказался участвовать и не подписалъ относившагося къ нему журнала, отозвавшись, что онъ не имѣетъ права его подписывать, не зная дѣла. Онъ меня увѣрялъ, что записка его подана только конфиденціально, по дружбѣ, князю Долгорукову, и что она не будетъ и доведена до Высочайшаго свѣдѣнія; а записка эта на другой уже день была въ рукахъ Государя, о чемъ онъ зналъ, говоря со мною, и о чемъ узналъ я отъ самого Государя. Онъ доказывалъ въ этой запискѣ, какъ говорилъ онъ мнѣ самъ, что разнорѣчіе это легко можно бы было уладить. Изъ этого Государь возымѣлъ сомнѣніе, что я или не умѣлъ. или не хотѣлъ этого уладить, и въ первый разъ съ начала дѣла я Государемъ былъ огорченъ.

Михаилъ Павловичъ, по его уму и опыту, не могъ не знать, что всѣ подобные его обо мнѣ отзывы, говоренные не знаю именно кому, но людямъ стоящимъ возлѣ Государя, не могли не сдѣлаться извѣстными Государю, ибо люди эти были бы недостойны Высочайшаго довѣрія, если бъ обо всемъ подобномъ не доводили до свѣдѣнія Его Величества.

Слѣдовательно, чтобы настоять на своихъ убѣжденіяхъ. Михаилъ Павловичъ началъ дѣйствовать путями окольными, внѣ прямыхъ его дѣйствій въ засѣданіяхъ Коммисій, какъ членъ оныхъ, и старался вредить мнѣ (желаю

---

*) Члены Редакціонныхъ Коммисій графъ П. П. Шуваловъ и князь О. И. Паскевичъ, не раздѣляя взглядовъ Коммисій по самымъ существеннымъ вопросамъ вышли изъ Коммисій по собственному желанію.

думать, что неумышленно); такъ что, если бы Государь не имѣлъ ко мнѣ огромнаго запаса милости, то я конечно давно уже оставилъ бы званіе предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, или по неудовольствію Государя, или въ слѣдствіе собственнаго рѣшенія: ибо, при потрясенномъ ко мнѣ довѣріи Государя, я на мѣстѣ этомъ оставаться бы не могъ.

Въ самыхъ засѣданіяхъ Коммисій Михаилъ Павловичъ явился какъ старшій и лѣтами, и опытомъ, не какъ примиритель, и началъ съ перваго раза дѣйствовать не въ духѣ кротости и убѣжденія, но въ духѣ диктаторскомъ, такъ что немедленно успѣлъ вооружить противъ себя почти всѣхъ членовъ Коммисій и своимъ диктаторскимъ тономъ, и выраженіемъ къ сужденіямъ Коммисій улыбокъ сожалѣнія или презрѣнія, о чемъ я его дружески предупреждалъ, въ слѣдствіе чего на нѣсколько засѣданій онъ измѣнилъ свое поведеніе, но потомъ опять началъ дѣйствовать попрежнему.

Въ самой Коммисіи онъ часто мѣнялъ свои убѣжденія. Такъ напр. онъ первый заявилъ Коммисіи, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ измѣнять существующаго надѣла, и подписалъ о томъ журналъ; а потомъ въ той же самой Коммисіи сказалъ во всеуслышаніе Виктору Владиміровичу Апраксину, что онъ съ нимъ, какъ депутатомъ, будетъ опровергать это начало, и много тому подобнаго.

Когда начали съѣзжаться сюда депутаты перваго призыва, онъ, въ присутствіи П. А. Булгакова, сказалъ мнѣ: „Ради Бога, не позволяйте депутатамъ совѣщаться и имѣйте съ нимъ дѣло отдѣльно“. Мнѣніе его (хотя вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ прежде, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ) я въ разговорѣ доложилъ Госу-

сударю Императору; а черезъ нѣсколько дней послѣ этого тотъ же М. П. Позенъ подписалъ извѣстный адресъ ко мнѣ депутатовъ, въ которомъ они, охуждая труды Коммисій, имъ далеко еще вполнѣ неизвѣстные, ходатайствовали о разрѣшенін имъ общихъ совѣщаній.

При собранін депутатовъ, онъ старался стать во главѣ ихъ, какъ оппозиція Редакціоннымъ Коммисіямъ, и немало способствовалъ къ раздраженію ихъ и противу членовъ, и противу трудовъ Коммисій. Безъ него, можетъ быть, отношенія Коммисій и депутатовъ были бы дружелюбнѣе; а съ этимъ условіемъ, конечно, и дѣла наши пошли бы лучше.

25 Сентября 1859 года.

Эта памятная записка І. И. Ростовцова потому въ особенности заслуживаетъ быть сохраненною для исторіи, что самъ Позенъ, въ изданныхъ имъ въ Дрезденѣ, въ 1864 году, «Бумагахъ по крестьянскому дѣлу», представляетъ свою размолвку съ Ростовцовымъ и удаленіе изъ Коммисій совершенно въ другомъ видѣ. Остающіеся въ живыхъ члены Редакціонныхъ Коммисій могутъ засвидѣтельствовать, что эпизодъ этотъ изображенъ въ запискѣ Ростовцова не только въ его истинномъ свѣтѣ, но даже съ крайнею снисходительностью къ его виновнику. Изъ этой же записки, несмотря на осторожность употребленныхъ въ ней выраженій, довольно ясно видно, что, и во время работъ Редакціонныхъ Коммисій, предъ самою уже болѣзнью Ростовцова, сведшею его въ могилу, партія противная освобожденію не теряла еще надежды подорвать довѣріе къ нему Государя и оттереть его отъ крестьянскаго дѣла. Ѳ. Е.

Цѣна **одинъ** рубль.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, въ Петербургѣ и Москвѣ.

Сочиненіе того же автора:

Въ захолустьи и въ столицѣ. (Экономическій и общественный бытъ провинцій). *Скалдина* (псевдонимъ).

Цѣна 2 рубля. Продается въ книжныхъ магазинахъ Новаго Времени, въ Петербургѣ и Москвѣ.

2007051362